

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Хосе Карлос Сомоза
ЭТЮД
В ЧЕРНЫХ
ТОНАХ

Удивительная «предыстория» Шерлока Холмса

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Хосе Карлос Сомоза
Этюд в черных тонах
Серия «Звезды мирового детектива»
Серия «Мистер Икс», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63848041
Х. К. Сомоза. Этюд в черных тонах: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“»; Санкт-Петербург; 2021
ISBN 978-5-389-19188-4

Аннотация

Хосе Карлос Сомоза – один из самых популярных испанских писателей, лауреат премии «Золотой кинжал» и множества других литературных премий (*Silver Dagger Awards u Gold Dagger Awards, Cervantes Theatre Prize, Café Gijon Prize*). В новом романе Сомозы «Этюд в черных тонах» все начинается в июне 1882 года, когда медсестра Энн Мак-Кари, немолодая, некрасивая, незамужняя, прибывает в Портсмут, где она получила место в престижной клинике для душевнобольных Кларендон-Хаус. Ей поручают заботиться о загадочном джентльмене. Этот странный пациент велит называть себя мистер Икс, он не переносит дневного света, зато наделен необычайной проницательностью, для него нет ничего тайного в поступках людей, а расследовать преступления он может, не вставая с кресла. К этому

дуэту присоединяется лондонский доктор Конан Дойл, только открывший практику. Тем временем в окрестностях клиники при загадочных обстоятельствах, со странной периодичностью происходят несколько убийств. Полиция заходит в тупик, и кажется, единственный, кто способен раскрыть дело, – это мистер Икс, которого поддерживают только медсестра Энн и Дойл.

Впервые на русском!

Содержание

Прелюдия для покойников	7
Часть первая. Занавес поднимается	10
Мистер Икс	10
1	10
2	14
3	17
4	19
5	22
Скрипка	28
1	28
2	30
3	37
4	42
5	50
6	52
7	54
8	59
Конец карьеры Элмера Хатчинса	69
Труп	73
1	73
2	74
3	77
4	80

5	85
6	89
7	94
8	98
Доверие	103
1	103
2	105
3	119
4	121
5	125
6	130
7	138
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Хосе Карлос Сомоза

Этюд в черных тонах

José Carlos Somoza

Estudio en negro

© José Carlos Somoza, 2019

© К. С. Корконосенко, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Моему отцу

*Однажды ты попросил оставить тебя дома.
Вот он, дом. Оставайся навсегда.*

Прелюдия для покойников

Театральный успех смерти неоспорим: она не сходит с подмостков с самой премьеры и не нуждается в репетициях, чтобы оставаться совершенной.

Сэр Генри Джордж Брайант. Очерк английского театра (1871)

Смерть оказалась быстрой, но утешительной – это было как дотянуться пальцами до того места на спине, которое чесалось уже несколько часов кряду.

Такая болеутоляющая, действенная, почти сочная.

Не было ни агонии, ни врача, ни друга, ни родственника, чтобы его оплакать, не было ни катафалка, ни носильщиков, ни вороных коней с перьями, ни вдовицы с вуалью во главе траурной процессии. Решительный момент застал его сидящим. Затем двое мужчин подняли его, запихнули в мешок и вынесли из дому. Дальше – была не тишина¹, а банальная тряска в телеге, совершенно не подходившей для такого скорбного содержимого.

Уже стемнело, когда дребезжащая колымага наконец-то остановилась. Мужчины слезли с телеги, открыли

---

¹ Последние слова Гамлета (в переводе М. Лозинского): «Дальше – тишина». Эту цитату Сомоза обыгрывает в своем романе неоднократно. – *Здесь и далее примеч. перев.*

мешок, и покойник тоже ступил ногами на землю. Его пригласили войти в совершенно незнакомое строение. На первый взгляд оно выглядело как разрушенный дом или ферма. Здесь пахло навозом, мебели почти не было. Тот Свет, разумеется, любого заставит утратить веру.

Один из его спутников остановился в самой просторной комнате и зажег масляную лампу.

— Как вы себя чувствуете?

Покойник изобразил на лице усталость и скуку. Это негостеприимное жилище не слишком его воодушевляло. Он вспоминал свою богатую событиями жизнь, а при сравнении даже та финальная вспышка виделась ему куда более уместной и отрадной, нежели это пыльное Ничто (а кстати, спросил он сам себя, куда же подевалась та девушка, виновница его смерти?). Однако вся известная покойному наука девятнадцатого столетия с ее грохочущей машинерией, с теориями о неверующих обезьянах и с англиканской религиозностью не помогла ему понять, как должна выглядеть жизнь за последним порогом. Покойный решил, что как-нибудь да приспособится. Ничего лучшего у него уже не было, но и ничего худшего тоже.

К тому же — и это известие здорово его порадовало — ему, вполне вероятно, не придется долго оставаться в одиночестве. Об этом ему вскоре сообщил один из сопровождающих:

— Будут и еще мертвецы.

Покойный почувствовал себя лучше. В этом бесконечном

трупном одиночестве ему хотелось обзавестись товарищами.

Часть первая.

Занавес поднимается

Это необыкновенное ощущение, когда смотришь на нечто сокрытое, которое скоро будет явлено воочию. Эти минуты ожидания. Это ужасное начало...

Г. Дж. Клеменс. Моя жизнь, взгляд из кресла (1874)

Мистер Икс

1

Тайна, о которой я собираюсь поведать, касается не меня, а мистера Икс. Но полагаю, мне следует кое-что рассказать и о себе.

О себе я могла бы рассказать много, но в голову приходит именно это.

В начале 1882 года мы с матерью жили в Саутуарке, на юге Лондона, в обшарпанных комнатах, за которые хозяин драл с нас втридорога. Однажды матушка посмотрела на меня, замерла и больше не отводила взгляда. Когда я поняла, что она умерла, я оповестила брата, и мы оплатили перевозку гроба в

Портсмут, наш родной город, чтобы похоронить матушку рядом с нашим отцом, и так уж вышло, что на городском вокзале брат купил местные газеты: «Портсмут джорнал», «Портсмут ай»² и «Портсмут газетт». Брат мой читал прессу главным образом из-за театральных рецензий, хотя он уже много лет назад простился с мечтой стать актером и работал банковским клерком. В тот день он наткнулся на объявление в «Портсмут джорнал» и показал мне. Требовалась медсестра для ухода за душевнобольным в частный мужской пансион в Саутси, Портсмут. Я немного пораздумала (совсем немного) и по возвращении в Лондон отправила в пансион свои рекомендации. Спустя две недели я получила письмо о приеме на работу. Ну что ж, сказала я себе. Я как будто замыкаю круг моей жизни: я родилась в Портсмуте и теперь возвращаюсь туда же – быть может, навсегда.

В ту пору я встречалась с мужчиной, с которым познакомилась четыре года назад. Его звали Роберт Милгрю, и он был моряком на торговом судне, так что навещал он меня по мере возможности, – по крайней мере, так он мне говорил. Пусть читатель не воображает себе безбородого мускулистого юношу: Роберт был старше меня, низкорослый крепыш с неухоженной бородой. Ему нравилась выпивка, и порой он бывал грубоват, однако, я так думаю, нельзя получить все и сразу. При жизни матушки я ни разу не приводила Роберта к себе, но вот на сей раз, когда он оповестил о своем прибы-

---

² «Портсмутское око» (англ.).

тии, я хорошо подготовилась, чтобы сообщить ему новость: потушила жаркое, которое ему так нравилось, и купила бутылку хорошего красного вина, которое нравилось ему еще больше.

Для начала мы отправились в Камберуэлл посмотреть на циркачей. Цирк был тем родом представлений, который мы могли себе позволить, и, хотя в циркачах нет ничего *скандального*, они впечатляют еще сильнее – с этими стройными акробатами в масках, которые кривляются не переставая. По сюжету того представления артисты были заперты в большой клетке и пытались оттуда выбраться. Они вопили и скакали, как обезьяны. Роберт заходился хохотом, пока совершенно не охрип (легкие у него и так были неважные). А потом мы пошли ко мне домой. За ужином Роберт в молчании выслушал мой план: я хотела перебраться в Портсмут, работать, особо не тратиться и накопить на маленький домик для нас двоих. Пока я говорила, он как заведенный поглощал жаркое. Когда я закончила, Роберт продолжал молчать. Мне отчего-то стало страшно. А потом он протянул руку, схватил опустевшую винную бутылку и швырнул мне в голову. По счастью, один из стульев в тот момент пожелал оказаться не на своем месте, я споткнулась и упала, а бутылка разбилась о стену. Осколки посыпались на меня. А в следующую секунду на меня обрушился Роберт. Он оторвал меня от пола одной рукой. Роберт ниже меня ростом и старше годами, но он, понятное дело, мужчина. И сила в нем громадная. Моя

годится только для заботы и ухода. А его сила – страшная. Разрушительная.

– Ты задумала променять Лондон на это крысиное гнездо? – Он задыхался, хрипел, борода его была вся в подливке. В ту минуту он был похож на обезумевшего акробата из труппы. – Собралась меня бросить и улепетнуть? Смоешься в одиночку, как шлюха? Даже не мечтай, моя королева!

Да что на него нашло? Я объясняла, я умоляла. Мы могли бы так же встречаться и в Портсмуте!

Но он меня не слушал.

Роберт никогда меня не слушал, когда напивался, но к этому я уже привыкла.

Характер у него был тяжелый, но и это я тоже знала.

Однако в следующий момент Роберт сделал то, чего прежде никогда не делал, и чего я от него совершенно не ожидала.

Он принялся меня душить.

– Ро... берт... – выдохнула я.

Я умирала. Здесь, в моей двухкомнатной квартирке, среди разбитых тарелок и с пальцами Роберта на шее. Но больше всего меня пугали его глаза. В них была темнота, от них разило плотью. Я не хотела в них смотреть.

– Ты... Хочешь уйти?.. Хочешь?.. – бормотал Роберт. – Ну так... уходи!

И он меня отпустил. Пока я кашляла у его ног, Роберт орал, что ладно-ладно, чтоб я валила хоть к чертям, раз уж

пришла такая охота.

Он забрал часть моих сбережений и громко хлопнул дверью.

Все закончилось как обычно. На следующий день (я еще лежала в постели, все тело болело) кто-то просунул под мою дверь конверт. Внутри лежало письмо. Это послание точно было от Роберта, хотя почерк был и не его – вот почему я сразу догадалась, что оно от Роберта. Его письма никогда не были написаны его почерком: Роберт почти не умел писать и всегда просил помочь кого-то еще (другого моряка, или юнгу, или портового грузчика), этот помощник тоже был не сильно грамотен, но все же способен составить послание под диктовку. Роберт сообщал, что прощает меня. Что постарается навестить меня в Портсмуте, в мой первый свободный вечер. Что он меня любит.

Я не оставила никакого ответа. Ни хорошего, ни плохого. Уладила дела с домовладельцем, оставила себе минимум необходимых вещей, остальное подарила брату и вот в назначенный мне день, в середине июня, я надела свое лучшее платье и села в поезд на вокзале Ватерлоо.

2

Всю дорогу я раздумывала об одном и том же. Почему Роберт не хочет, чтобы я перебралась в Портсмут? Он ведь живет в море, какая ему разница?

Господу известно, Портсмут – некрасивый город. Но там есть порт, который, хотя и разочарует любителя слагать стихи, идеально подходит любому моряку. Все прочее в городе – это лачуги (я сама в такой выросла) и приличный район Саутси, который с годами становится все больше, – там живут зажиточные горожане и открываются все новые театры. А еще там находится Кларендон-Хаус – пансион, где мне предстояло работать.

И все-таки, почему он так взъерился? Что плохого я сделала на сей раз? У меня действительно какое-то время не будет собственного дома – я буду жить в пансионе, – но ведь и в Лондоне мы встречались вне дома. Я его не понимала, но так у меня с Робертом было всегда. А еще я сама себя не понимала: на шее у меня до сих пор оставались следы его пальцев, которые я прятала под платком, но при этом я знала, что стоит ему написать мне новое письмо, и я к нему прибегу. Я это знала, как бы ни пыталась убеждать себя в обратном.

Жизнь оставляла мне совсем немного: мою работу и Роберта. И то и другое было непросто, но больше у меня ничего не было.

Когда я подъезжала к вокзалу Портсмута, хлынул дождь. Один из таких летних ливней, которые проливаются, как только я надеваю свое лучшее платье, чтобы произвести благоприятное впечатление на новой работе. Мне, по крайней мере, посчастливилось нанять на вокзале кеб. Я выглядывала в окно, стараясь рассмотреть хоть что-то в моем родном

городе, в котором не была с похорон матушки – в тот раз я видела лишь кладбище, – но за стеной дождя ничего не было видно. Ливень превратился в фанатическое побиение камнями. Конец света.

Разумеется, театры по-прежнему привлекали публику, и мы задержались на пять минут, пробиваясь сквозь плотное скопище зонтов на Виктори-роуд, – там, кажется, давали модную пьесу.

Кларендон-Хаус оказался особняком с островерхими крышами и голландским фасадом; западная часть дома выходила к морю, на обнесенном стеной участке росли сосны. В хорошую погоду здесь наверняка красиво. Мне показалось, что я помню это здание еще с юности. Я предположила, что раньше дом принадлежал благородному, ныне разорившемуся семейству, а теперь его переделали и приспособили для лечебницы, принимающей богатых клиентов. Быть может, всю семью продали держателям *подпольных* театров (брат рассказывал, что такое иногда случается с обедневшими семьями), но кто может знать наверняка? Я мечтала о спокойной работе, об уходе за каким-нибудь привередливым старичком. К такому роду занятий я считала себя подготовленной.

Экипаж остановился возле калитки с колокольчиком и омытой дождем табличкой «КЛАРЕНДОН-ХАУС. ПАНСИОН ОТДЫХА ДЛЯ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ». Я заплатила извозчику, добавив чаевые, чтобы он поднес мой багаж к калитке.

Мне с самого детства нравились лоснящиеся шкуры лошадей под лаской дождя, блестящие, как мебель из черного дерева, но сейчас я была не в том положении, чтобы наслаждаться этим зрелищем. Когда славный портсмутский кебмен со мной распрощался, я почувствовала себя еще хуже. Я трясла колокольчик, стоя в полнейшем одиночестве под моим бесполезным зонтиком. Я уже начала думать, что никто мне не откроет, что меня оставят стоять под дверью и дождь в конце концов смоет меня, словно песчаные замки, которые строят на этих пляжах дети.

Все начиналось плохо.

Мне следовало предвидеть, что в дальнейшем все будет только ухудшаться.

3

— Господи, да вы насквозь промокли, вот же как! Я вам что-нибудь дам, обсушитесь.

Дверь мне все-таки открыли, это сделала пышнотелая служанка в голубой униформе. Звалась она Генриетта Уолтерс.

— Но все зовут меня Гетти, вот же как!

Толстуха заливалась хохотом, пока не пошла багровыми пятнами, будто вид продрогшей до костей девушки был для нее самым забавным представлением. Казалось, вокруг Гетти все начинает двигаться быстрее. Мы укрылись под ее большим зонтом, пробежали по грязной дорожке, пересека-

ли скучный холл без всяких украшений, потом кухню с запахом яичницы и травяных настоев и наконец очутились в маленькой комнатушке, по виду – в кладовке. Гетти выдала мне полотенце. В комнате стояло зеркало в рост, вдоль стены – шкафы с черной униформой, с белыми нагрудничками и передниками. Я вытерлась, насколько это было возможно сделать, не снимая платья. После этого я принялась за грязь на туфлях.

Гетти время от времени заскакивала в кладовку, чтобы спросить, не нужно ли мне чего. Она окружила меня материнской заботой. Вскоре мы уже выяснили, что обе родом из Портсмута, и, поскольку единственным, что могло нас развести, была работа, мы оставили ее в стороне и принялись болтать о театре. Пышные щеки Гетти так и зарделись, когда она сообщила мне (полушепотом), что я должна посмотреть «Жертвенную Люси» – мелодраму, имевшую триумфальный успех в театре «Виктори». Мелодрамы вызывают у меня слишком бурные эмоции. А вот Гетти, наоборот, любила дать волю чувствам.

– На «Люси» я и плакала и смеялась, вот же как. Все время то плакала, то смеялась, а почему – сама не знаю!

– Это... *скандальная* пьеса? – спросила я с любопытством.

Гетти заглянула в мои глаза и закивала – очень медленно, но с большой убежденностью. С каждым покачиванием головы ощущение *скандальности* только нарастало. А потом

Гетти наклонилась ко мне и рассказала, что за платье на актрисе в одной из сцен и что ей при этом кричат из зала. Я пообещала, что тоже схожу посмотреть, – главным образом ради того, чтобы Гетти не пересказала мне весь спектакль от начала до конца.

Покончив с вытиранием, я посмотрелась в зеркало.

В зеркале я разглядела в основном собственное желание выглядеть хорошенькой; я также увидела мою обвисшую шляпку, морщинки на лице, еще ярче проявившиеся после долгого путешествия, мой широкий нос, чересчур близко посаженные глаза. То была я, как и всегда. Но по крайней мере, я была чистая. Еще точнее сказать – омытая.

А шею прикрывал платочек.

Потом Гетти объявила:

– А теперь пойдем... в кабинет мистера Уидона!

Служанка так растянула это слово – «Уишшшшидон», – что я перепугалась еще раньше, чем вошла в кабинет.

4

На двери кабинета, расположенного по другую сторону от холла, висела табличка с надписью «ФИЛОМОН УИДОН, БУХГАЛТЕР». В кабинете, под прямым углом к столу мистера Уидона, помещался еще один стол, за которым сидел его помощник, светловолосый юнец с ангельским лицом, представившийся как Джимми Пиггот и отличавшийся

ся крайней робостью. Уидон оказался низеньким и плотным безусым мужчиной с вогнутой головой – я все написала правильно: с вогнутой головой, приплюснутой посередке. Прядки волос пересекали лысину, словно чернильные полосы. Уидон занял свое место (мне он сесть не предложил), нацепил очочки и принялся заполнять бумаги, одновременно задавая мне вопросы. Вопросы не слишком отличались от тех, на которые я уже отвечала в письме, но меня это не сильно заботило. «Преимущество повторения в том, что ты это уже делал раньше», – говаривал мой отец.

– Возраст?

– Сорок четыре года, сэр.

– Семейное положение?

Я ощутила прикосновение платка к своей шее.

– Не замужем, сэр.

Образ Роберта в моей голове то приближался, то исчезал из виду – словно пучок водорослей в воде у берега. Я знала, что не должна о нем упоминать. Если я не произнесу его имени, я не буду о нем так много думать. Если я не буду о нем так много думать, возможно, я его позабуду. Если я его позабуду, возможно, я перестану его хотеть.

Уидон интересовался самыми простыми обстоятельствами: мое предыдущее место жительства, моя семья, мои театральные пристрастия – я назвала оперетту, драму и цирк. Уидон не возражал.

– Опыт работы?

Я рассказала о своем опыте ухода за пациентами на дому, а потом решила добавить и то, что уже указывала в сведениях о себе: двухлетнюю работу в клинике для душевнобольных в Эшертоне, Дартмур (печально известной всем и каждому из-за пожара, уничтожившего здание в 1872 году). Но Уидон недовольно поджал губу:

– Работа в клинике – это одновременно и хорошо и плохо, мисс Мак-Кари.

Я замолчала, ожидая объяснений этой загадочной фразы. Уидон добавил менторским тоном:

– У нас в Кларендоне нет никаких «больных», только «пансионеры». Так вы должны их называть. Это джентльмены из хороших семей, приезжающие в Кларендон, чтобы успокоить нервы, расшатанные бременем громадной, серьезнейшей ответственности. Вам понятно?

– Да, сэр.

Ну ладно, это просто слово. «У каждого места свой особый словарь», – говорил мой отец. А еще я пришла к заключению, что они выбрали меня, заранее зная, что я работала медсестрой в клинике, потому что я их чем-то заинтересовала.

В конце концов Уидон протянул мне несколько листов бумаги. То были условия, известные мне заранее: восемьдесят фунтов в месяц, содержание, жилье, чистая униформа, отопление. От меня ожидалось пристойное, безупречное поведение. Я не имею права выходить замуж без выражено-

го согласия директора пансиона. Я имею право на полдня отдыха раз в две недели, однако я должна сообщать, какую постановку намереваюсь посетить, если планирую потратить свободное время на театр. Июнь 1882 года. Энн Мак-Кари. (Подпись моя выглядела точь-в-точь как это имя, записанное мелкими буквами – такими же, какие сейчас выходят из-под моего пера.) Уидон встал и спрятал бумаги.

– Вскоре вы познакомитесь с доктором Понсонби. А теперь я представляю вас вашему пансионеру.

Уидон ощутило занервничал, как будто новичком был он сам.

5

Создавалось впечатление, что здесь произошло убийство, а теперь все замечают следы.

Служанки в голубой форме протирали всевозможные поверхности чуть ли не с яростью: перила, полы, стены. Позже я узнала, что в Кларендоне все, что не застлано ковром, будет многократно протерто, словно в наказание за недостаточную мягкость.

– Это из-за дождя, – пояснил Уидон, когда мы поднимались по лестнице на второй этаж. – Все становится грязным.

По пути Уидон рассказал, что в Кларендоне два этажа, по десять комнат на каждом, по пять комнат в каждом крыле. Пансионеры умываются у себя, с помощью медсестер или са-

мостоятельно, а туалет у них общий, в конце коридора. Нас в Кларендоне четыре медсестры и еще одна старшая сестра, и от меня ожидается, что я познакомлюсь и по мере сил буду уделять внимание другим пансионерам из крыла, в котором проживает мой подопечный (западное крыло, второй этаж). Уидон прибавил, что в Кларендон допускаются лишь пансионеры мужского пола из хороших семей и не принимаются мужчины из обычных либо плохих семей, а также женщины, вне зависимости от качества семьи.

– Женщин мы сюда не допускаем, – уточнил Уидон, чтобы развеять последние сомнения.

Быть может, это уточнение заставило бухгалтера по прибытии на второй этаж осмотреть меня с головы до ног. Я почти что слышала его мысли: «Мы также не допускаем сюда малопривлекательных медицинских сестер». Однако насчет последнего обстоятельства я быстро успокоилась. Навстречу нам вышагивала другая медсестра, она заполняла своими телесами почти весь коридор от стенки до стенки. Мне подумалось: неужели работа в Кларендоне заставляет женщин набирать вес? Моя коллега несла поднос с марлевыми тампонами, на ее поясе висела связка ключей. Неприветливое выражение ее воскового лица под высоченным чепцом ничуть не походило на доброжелательность Гетти. Уидон и сестра коротко переговорили полупшепотом о состоянии пансионеров (*выучи это слово, Энни!*). Затем бухгалтер представил нас друг другу:

– Старшая медицинская сестра Мэри Брэддок. Энн Мак-Кари, приемница Бетти.

Все черты на лице Мэри как будто сползались к центру. Она взглянула на меня из этого клубка, не ответив на улыбку.

– Сочувствую тебе! – выпалила старшая медсестра и двинулась дальше по коридору.

Уидон пожал плечами с таким видом, как будто это была не самая почтительная дочь в семействе, однако ее высокое положение в фамильной иерархии оставалось неоспоримым.

– Вы должны извинить мисс Брэддок: мистер Икс – немного особенный пансионер.

Я плохо расслышала фамилию. Наверно, она какая-то иностранная.

Однако переспросить я не успела: Уидон пошел в ту же сторону, откуда появилась старшая сестра, – определенно это было западное крыло. С одной стороны коридора были закрытые двери, с другой – большие окна, выходящие на проспект Кларенс и на весь Портсмут, затянутый дождем. Так я определила, что комнаты пансионеров обращены к морю. Уидон продемонстрировал мне роскошный туалет в конце коридора, а затем остановился у последней боковой двери, негромко постучал и, не дожидаясь ответа, открыл.

И вот что меня поразило: Уидон обратился к дверному проему совсем иным голосом, исчезли прежние интонации чопорного клерка и строгого инструктора. Голос его стал по-

что как музыка, бухгалтер как будто агукал над ребеночком:
– Мистер Икс, здесь ваша новая медсестра, мисс Мак-Кари!

Произнося эту фразу, Уидон отодвинулся, пропуская меня вперед.

В комнате было совершенно темно.

ПОРТСМУТ АЙ

ТЕАТРАЛЬНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

**«Жертвенная Люси» Дж. П. Уилфорда,
мелодрама в трех действиях. Театр «Виктори»**

...и Люси Симмонс (мастерская игра мисс Кенделл), в невероятном наряде горничной (на всем теле — только ленты и бантики, только ленты и бантики!), ощущает необходимость подчиняться всякому живому существу: своим господам, господским детям, гостям и друзьям дома, собаке и коту, крысам, уличным попрошайкам (для каждой роли был подобран свой исполнитель). Однако спектакль делает резкий поворот, когда в Америке умирает дядюшка Люси и главная героиня наследует его состояние! Переодевшись в меха и высокие черные сапоги, Люси глядит в зеркало и сама себе отдает приказания... К прискорбию, на сцене не хватает Эдвина Ноггса, игравшего роль одного из попрошаек, — он умел подпрыгивать к самому потолку и мастерски исполнял трюки с ремешком... Эдвин, как, должно быть, помнят наши портсмутские читатели, был настоящий городской нищий, погибший на прошлой неделе в драке с другим бродягой...

Х. Шрайбер

Скрипка

1

Моя тень скользнула по прямоугольнику света на напольном ковре, затем изогнулась и взобралась по резной спинке высокого кресла.

Дальше – задернутые шторы.

И – никого в комнате.

Уидон продолжал придерживать для меня дверь. Я сделала несколько шагов. «Во что ты ввязалась, Энни?» – вздохнула я про себя. Комната была просторная, – возможно, так казалось потому, что в ней находилось не много предметов. Кровать была аккуратно заправлена. Тазик для утренних процедур стоял на полу, между кроватью и комодом, на комодe стояла большая ваза, по другую сторону размещались камин с полкой, ночной столик, стул и маленький шкафчик. В центре комнаты – вышеупомянутое кресло.

И больше ничего не было. Ни книг, ни журналов, ни картин. И воздух здесь не был налитан безумием, не было той смеси животного и человеческого запаха, к которой я так привыкла со времен Эшертона, зато я уловила присутствие вдыхаемого и выдыхаемого воздуха – так корова обращается со своей жвачкой.

– Скажите ему что-нибудь, – прошептал с порога Уидон.

– Но... Кому?

Бухгалтер нетерпеливо кивнул в сторону кресла.

И тут мне стало страшно. Ладони мои повлажнели, я провела рукой по платку на шее. Мне казалось, что это не я подхожу ближе, а само кресло медленно, точно желая скрыть свое продвижение, подступает ко мне.

Когда мы оказались рядом, я подняла глаза.

И увидела манекен.

Он сидел прямо, не проминая сиденья своим весом. В полумраке я разглядела острые скулы, непропорционально высокий лоб, но главное – орлиный, резко очерченный нос. Все остальное – тщедушное тельце, упакованное в пижаму, халат и домашние туфли, – могло бы подняться в воздух от легкого дуновения ветерка, причем внешний облик от этого не сильно бы переменялся. Я вложила в свои слова больше оптимизма, чем чувствовала на самом деле:

– Добрый день, меня зовут Энн Мак-Кари, я ваша новая медсестра, очень рада знакомству, мистер... мистер...

– Мистер Икс, – удостоверил с порога Уидон.

– Но его ведь зовут не так, правда? – переспросила я.

– У него нет имени, – отрезал Уидон.

Что за абсурд! Я решила разобраться с этим позже. Манекен не шевелился, и я наклонилась, чтобы рассмотреть его лицо. В полумраке его глаза показались мне какими-то странными.

– Можно я отдерну штору, сэр? – спросила я, обращаясь к мистеру Икс.

Однако незамедлительный ответ я получила от Уидона:

– Нет. И выходите поскорее.

Бухгалтер ощутимо нервничал. Я сделала реверанс и вышла; Уидон закрыл дверь.

– Почему нельзя раздвигать шторы?

– Мистер Икс не хочет, чтобы их раздвигали. Это необычный человек, подробности мне неизвестны; доктор Понсон-би вас обо всем проинструктирует.

Уидон вытирал платком вспотевшие лоб и шею, как будто мы только что выбрались из клетки с опасным хищником. И я подумала: подробности ему наверняка известны, просто он не хочет говорить.

Но ведь Уидон – бухгалтер, рассудила я. Его отношение к душевнобольным наверняка искажено предрассудками и страхами профанов, которые сталкиваются с проявлениями безумия. Разумеется, это не мой случай.

Я чувствовала, что готова приступить к уходу за мистером... мистером без имени.

2

Гетти Уолтерс отвела меня в комнату, которую мне предстояло занять в Кларендоне: сестры проживали в пяти маленьких помещениях под самой крышей.

Назвать эту комнату «скромной» – значит ничего не сказать.

Она была голая и крохотная. Зеркало вполовину моего роста стояло на комоде ровно такого размера, чтобы сбоку могла поместиться кровать. Свет проникал в комнату через окошко в скате крыши. Что ж, мне доводилось обитать в местах и похуже.

Пространства вполне хватало, чтобы втиснуть кувшин с горячей водой, губку и мыло. Мой багаж и сложенная униформа лежали на кровати. Я сняла платье, вымылась и изучила униформу. Ее составляли *chemise*³, пояс с подвязками, чулки, верхняя сорочка, черное, как будто траурное, платье с пышной юбкой, нагрудник, передник с карманами на поясе, накрахмаленные манжеты и воротничок с кружевами, туфли на низком каблуке. Наличивалась также смена того, что мы надеваем наедине с собой и без чего обходимся только в полумраке супружеского алькова.

Впрочем, вы можете сходить в театр и увидеть там женщин даже без этой последней защиты приличий и нравов. Полагаю, вы меня поняли. Я просто ставлю вас в известность.

Поскольку я женщина взрослая и не слишком привлекательная, в комплект не входило оружие искушения: не было ни корсета с бантами, ни упряжи для грудей, ни – храни меня Господь! – чепца с широким козырьком, прикрывающим

---

³ Сорочка (фр.).

половину лица. Мой чепец был просто высокий, как митра архиепископа. Когда я увенчала себя этим убором, мутноватое зеркало представило мне странную картину.

Это была я – и не я. Хотя униформа примерно подходила мне по размеру, облик мой разительно переменялся. Одежда вообще обладает потрясающим эффектом: стирает одни черты, другие добавляет – как будто ты актриса, играющая роль. Высокий воротник закрывал отметины, которые остались в прошлом, по крайней мере на какое-то время.

Я улыбнулась своему отражению.

Доктор Понсонби еще не приехал, поэтому я решила, не откладывая, приступить к своей работе. И первое, что мне надлежало сделать, – при свете дня заглянуть в глаза этому мистеру, как бы его ни звали, потому что он является пациентом, за которым мне положено ухаживать.

Задавшись этой целью, я отправилась в путь по ковровым дорожкам, приподнимая на ступеньках полы новой юбки, подошла к последней двери, негромко постучала и открыла, точно так же как делал мистер Уидон, однако сознавая, что теперь вся ответственность лежит на мне.

И все-таки, оказавшись посреди тишины и полумрака, я сжалась, как и в первый раз. Что тут сказать: темнота и спинка кресла, развернутого так, что никого не видно, – это все-таки впечатляет. Тем более когдаходишь внутрь и закрываешь дверь. Как будто свет погасили в туннеле.

– Мистер... кхм... Икс, я пришла, чтобы проверить ваши

глаза, это ненадолго. А потом, если пожелаете, я снова задерну шторы.

Ответа не последовало. В эту минуту меня посетило странное воспоминание: мой отец, сидящий спиной ко мне, за своим письменным столом в портовой конторе грузоперевозок. В том помещении стояло еще несколько столов (теперь, в моей памяти, их число доходило до бесконечности), а отцовский стул был обращен спинкой ко входу. Я видела плечи его пиджака, его черные волосы – такие же черные, как глаза тряпичного медведя, которого он мне однажды подарил.

Приближаясь к окну, я выкинула это воспоминание из головы.

– Вы знаете, там подальше есть такая штука, она называется «море», – сообщила я. – Смотреть на него приятно и в целом радостно... – Я взялась руками за шторы, и тогда за спиной у меня раздался тихий, но ясный голос:

– Нет.

Я обернулась. Значит, он разговаривает, отметила я про себя. Он восседал очень прямо, маленький и в то же время исполненный достоинства, черты его лица были ступеваны полумраком и моей собственной тенью.

– Что «нет», сэр?

– Не открывайте шторы.

Чистейшие, я бы даже сказала – резкие звуки, лишённые эмоций. То ли мягкий приказ, то ли мольба.

– Могу я узнать почему, сэр?

– Мне нравится, когда они закрыты, так мне удобнее сосредоточиться.

Я молча смотрела на прямой силуэт в кресле. Голос, как я уже сказала, был очень чистый, лишенный интонаций, но тихий. Но зачем ему понадобилось сосредоточиваться? – недоумевала я. Что еще за глупости? Я давно привыкла к абсурдным просьбам душевнобольных, столь похожим на детские капризы. Самый правильный выход – это игнорировать такие пожелания, если они наносят ущерб здоровью пациентов. В этом случае ущерб представлялся мне очевидным: Флоренс Найтингейл, учительница всем сестрам милосердия, не уставала напоминать, что больным необходимы дневной свет и свежий воздух.

Я обернулась к окну и крепко ухватила за шторы:

– Я ненадолго. А потом вы снова вернетесь... к сосредоточению.

Раздвинув шторы, я зажмурилась – не столько от яркого света (дождь так и лил, день был серый, без солнца), сколько из-за поднявшегося облака пыли. Я поняла, что никто не раздвигал и не чистил эти шторы уже много месяцев. За шторами стояла я сама, в высоченном чепце, разрезанная на стеклянные прямоугольники грязного двустворчатого окна. Пейзаж, скомпонованный из ветвей деревьев, стены, пляжа и моря вдалеке, расплывался из-за слоя пыли внутри и капель дождя снаружи. Окно тоже никто не мыл. Этого человека

предоставили его собственной участи в привилегированном Кларендоне только ради того, чтобы потакать его нелепым слабостям.

Я повернулась лицом к креслу и отошла от источника света, решив рассмотреть сидящего.

Он был крайне худощав, ростом ниже среднего, но голова его заслуживала отдельного описания. Она возвышалась над телом, словно корона. Высокий лоб без морщин, выступающие скулы, изящный подбородок и – самая характерная черта – упомянутый выше орлиный нос. При свете дня этот человек уже не выглядел таким необычным. Маленькое, почти подростковое тело; большая голова взрослого мужчины. Первое вызывало желание поиграться; вторая внушала уважение.

Ну хорошо, он был немного странный. И что с того?

А кто не странный? Вот у меня, например, нос картошкой, очень близко посаженные глаза и невыразительный подбородок. В школе меня называли «ласка», как зверька. Мне не показалось, что мистер Икс выглядит более или менее странным, чем кто-нибудь еще.

А вот глаза его заставили меня оцепенеть.

Правый глаз был голубоватый и бледный, точно пустой аквариум. Когда я наклонилась чуть ближе, то поняла, что дело было в огромном размере радужной оболочки, заполнявшей почти всю поверхность глаза. А вот радужку левого глаза со всех сторон осаждала густая поросль красных прожи-

лок; этот рисунок, находишь он в любом другом месте, кроме человеческого глаза, можно было бы назвать поистине красивым.

Один глаз голубой, другой красный.

Это сочетание завораживало.

– Вы закончили? – прошептал он, почти не разжимая губ.

– С чем, сэр?

– С разглядыванием.

– Э-э-э... да, сэр.

– Теперь, пожалуйста, сдвиньте шторы обратно, спасибо.

Мне не хотелось ему перечить. Я ведь приехала сюда ради него! Но этот левый глаз меня тревожил, медицинский диагноз тут был очевиден: кровоизлияние.

– Он... побаливает? – чуть слышно спросила я.

– Кто?

– Ваш левый глаз... Побаливает? Вот почему вы не хотите, чтобы я открывала шторы?

И тогда он впервые моргнул. Если только это можно назвать морганием. Он занимался этим делом невероятно медленно, точно наслаждаясь темнотой.

– Такой глаз у меня от рождения, мисс Мак-Кари. А теперь задерните шторы.

Так, он знает мое имя, отметила я. Он ничего не упускает, сидя здесь в молчании, словно таинственный темный цветок в горшке.

– Безусловно, это любопытный случай. Ой, не самый любопытный из всех, с которыми я сталкивался, но определенно любопытный...

Кабинет доктора Понсонби (который принял меня с официальным приветствием, как только явился в Кларендон-Хаус) был больше, чем кабинет Уидона; доктор также обладал большей мудростью и авторитетом: полки с одинаковыми книжными корешками, череп на столе (на костях черепа проставлены цифры?), окно, выходящее в сад и на стену, – таковы были самые приметные детали кабинета.

Понсонби не сказал ничего утешительного, но ведь он был врач. А врачи не склонны никого утешать.

Сам Понсонби гармонировал с антуражем: тучный, лысый, поглаживающий бородку-эспаньолку, а глаза его смотрели куда угодно, только не на меня. Разговаривал он так, что я все время нервничала, – это вечное «ой» в начале, как будто, произнеся какую-нибудь фразу, Понсонби тотчас вспоминал, что об этом нужно было сказать раньше; или его привычка самого себя поправлять, словно его пугали категоричные утверждения («Интересная подробность – не самая, конечно, интересная, но все же...»), – все это еще больше мешало мне следить за его рассуждениями.

Слушая Понсонби, я поглядывала на свои руки, сложен-

ные на переднике. Чепец мой был такой высокий, что я боялась задеть лампу.

– Вам будет легко... ой, быть может, не легче всего того, чем вы занимались прежде, но... относительно легко... Да, вам будет относительно легко поладить с ним, мисс Мак-Грегор.

– Мак-Кари.

– Ой, простите. – Доктор уже второй раз ошибался в моей фамилии, однако это его как будто не волновало. Доктор выглядел любезным и рассеянным, так что я засомневалась: его любезность – следствие рассеянности или же, сознавая свою рассеянность, Понсонби компенсирует ее любезностью? – В первую очередь вы должны стараться, чтобы у него не возникало жалоб... Уступайте по мере возможности его прихотям. Насчет задернутых штор, например. Нужно принимать во внимание такие пожелания. Я не говорю, что не должно быть исключений, однако... Его семья занимает чрезвычайно высокое положение. Они хорошо оплачивают присмотр за ним и не желают никаких осложнений.

– А почему его зовут «мистер Икс»? У него что, нет фамилии?

– Ой... Полагаю, когда-то она у него была, но никто ее не знает. «Икс» – вот что написано во всех бумагах там, где должна была стоять фамилия, и так его именовали еще в Оксфорде. Семья поступает так, дабы избежать недопустимых истолкований. Я уже вам говорил: это очень почтен-

ное семейство, да... Личность этого человека изъята из всех официальных документов.

– Но должна же остаться какая-то информация о его жизни до пансиона...

– Маловероятно, – ответил Понсонби. – Он проживает в частных пансионах с самого детства.

Сердце мое сжалось, в горле вырос ком. Я задумалась об этом «почтенном» семействе, навсегда изгоняющем своего отпрыска, отбирающем у него даже имя. В Эшертоне я повидала немало трагических случаев, однако жизнь мистера Икс, отринутого людьми, которым надлежало заботиться о нем и любить, наполнила меня состраданием.

Понсонби задал мне какой-то вопрос.

– Простите, доктор?

– Эшертон. Я прочел в ваших бумагах, что вы работали в этом приюте... ой, к несчастью, его больше нет. Под руководством сэра Оуэна Корриджа?

Я кивнула в ответ.

– Ой, это один из величайших психиатров в нашей стране... Безусловно, не величайший, но все же... Вы занимались с ним ментальным театром?

– Нет, доктор, в этих процедурах я не участвовала.

Мой ответ привел Понсонби в замешательство, как будто он собирался двигаться со мной в одну сторону, а я пошла в другую. Но от своей темы он все равно не отказался:

– Мне нравится ментальный театр. В этом деле я достиг

кое-каких успехов.

Он бросил взгляд на часы на цепочке – характерный врачебный взгляд, как будто он у всех и каждого готов посчитать пульс. Понсонби ясно давал понять, что наш первый разговор окончен, однако у меня еще оставались вопросы.

– Простите, доктор, но у моего пациен... У моего пансионера кровоизлияние в левом глазу. Его бы следовало показать специалисту, как вам кажется?

Понсонби так наморщил брови, что казалось, будто он совершенно не понимает, о чем я говорю, да и кто я вообще такая.

– Ой, да-да-да...

– В левом глазу.

– Да-да, я понимаю, что вы имеете в виду. Да, вообще-то, да... Так все и было, когда он к нам поступил, около двух месяцев назад.

– Но возможно, он испытывает режущую боль, быть может, из-за этого он и не желает раздвигать...

– Послушайте, мисс... ой... мисс... – Понсонби замахал рукой.

– Мак-Кари.

– Спасибо. Не беспокойтесь по поводу его глаза. Он не просил об осмотре у специалиста.

То, что я слышала, показалось мне невероятным. Да разве здоровье пациента зависит от его собственных прихотей? Я постаралась ответить как можно более смиренным тоном:

– Простите, доктор, но глаз сильно покраснел. Возможно, такое раздражение причиняет боль. А вдруг это поддается простому лечению? Если мы уменьшим жжение, мы поможем нашему пансионеру...

Понсонби ответил не сразу.

– В Портсмут недавно приехал новый врач. Он открыл консультацию в Саутси, но готов и к выездам, чтобы лечить физические недомогания пансионеров... И в первую очередь офтальмологические, если я не ошибаюсь... Ой... Я попрошу мистера Уидона его пригласить, но его отчет должен попасть непосредственно ко мне...

От такого внезапного успеха я невольно улыбнулась:

– Спасибо, доктор.

Я сделала реверанс, но доктор меня пока не отпускал.

– И вот что еще... мисс...

– Мак-Кари.

– Да, именно. – (Я неожиданно начала для него *существовать*: Понсонби на минуту перестал сверяться с часами, изучать книжные тома, поглаживать бородку и теперь видел меня перед собой – в униформе и чепце.) – Семь лет назад я основал Кларендон-Хаус, мечтая о месте, где джентльмены из лучших семей будут наслаждаться морем, отдыхом и уходом заботливых медсестер... До сих пор мне это удавалось. Однако этот пансионер, он... ой... он весьма... специфический. Ведите себя осмотрительно. – И Понсонби изогнул бровь дугой. – Крайне осмотрительно.

Предупреждение доктора взбудоражило меня больше, чем мне бы хотелось. Я не находила себе места, бродила туда-сюда по коридорам Кларендон-Хауса. В чем мне следует быть осмотрительной? Мой подопечный производит впечатление совершенно безобидного человека. В Эшертоне мне доводилось встречать таких пациентов, при виде которых содрогнулся бы и портовый грузчик. Что в этом бедолаге такого необычного, помимо вечного заключения в пансионатах?

Мне следовало выяснить, что думают по этому поводу мои товарки.

Поэтому в тот же день я с радостью приняла предложение вступить в привилегированное общество *Медсестры-за-Чаем* в стенах привилегированного Кларендона.

На самом деле вся деятельность общества заключалась в том, что мы, медсестры Кларендон-Хауса, три раза в неделю собирались пообедать в бывшей кладовке, примыкающей к кухне. То было нечто вроде ритуала: так мне объяснила сестра, подошедшая в полдень, чтобы привлечь меня в это секретное общество. Звалась она Сьюзи Тренч, такая коротышка с гнусавым голосом, зато с прекрасными голубыми глазами. Сьюзи была родом из Госпорта и очень радовалась, что в их маленькое войско вольется еще одна уроженка Портсмута. Она за руку отвела меня из холла на кухню, и по до-

роге мы успели поболтать. Сюзи не брала в расчет мнение Гетти Уолтерс и утверждала, что лучший из идущих сейчас спектаклей – это детский мюзикл «Цыгане короля Леонта». Я ничего о нем не слышала, но для одинокой бездетной женщины выбор показался мне странным.

– Но ведь он детский!

– Ну да, а зато... Ох... Энни...

Впоследствии я убедилась, что Сюзи предоставляет завершение многих фраз воображению своих слушателей. Но это не имело значения: личико ее было очень красноречиво.

– Это *скандальная* постановка?

Сюзи предпочла промолчать.

Местом для нашего сборища служила комнатенка без окон, освещенная настольной лампой; на столе уже стояло угощение и чайные приборы. Кухарка миссис Гиллеспи приготовила по случаю собрания нежнейшие кремовые пирожные, чтобы подать их в конце трапезы. Когда мы вошли, все уже сидели на своих местах. Чепцы, блестящие в полумраке, как льдины, разом повернулись в мою сторону.

Сюзи представила меня; я уже была знакома со старшей медсестрой Брэддок, здесь же находились высокая неулыбчивая Нелли Уоррингтон и молоденькая красотка (это уж точно) Джейн Уимпол в мешковатой форме, скрывающая лицо под защитой козырька, служащего для того, чтобы не поощрять непристойные мысли мужчин. Чуть в глубине, отделенная от группы пяти избранных, радуясь любой тарел-

ке, которую перед ней ставили, сидела престарелая миссис Мюррей, которая – как поведала мне Сьюзан – когда-то работала еще на отца доктора Понсонби, а потом наш доктор Понсонби в знак большой признательности пригласил ее поселиться в Кларендон-Хаусе. Миссис Мюррей парила в заоблачных высях и подчеркивала свое положение, называя доктора Понсонби только по фамилии: «Понсонби – хороший профессионал и хороший руководитель. С ним нужно только правильно держаться».

Покончив со знакомством, Сьюзи не замедлила оповестить всех, что я еще не смотрела «Цыган короля Леонта». Мне непременно следует сходить, это дело решенное! Медсестры даже напели мне куплетик – тихими мечтательными голосами:

Круши, руби, пали!
Руби, круши, пали!
Вот так живут пираты
Далёко от земли!

Ритм, разумеется, был самый неотвязчивый.

– И у Элмера Хатчинса там восхитительная роль... – закатила глаза Сьюзи. – Вот когда он вылезает из сундука с криком: «Не меня, только не меня!»

Женщины зажимают ладошками рот. Всем смешно до колик.

– А когда он защищает девочку, которую собираются вы-

пороть! – подхватила Нелли Уоррингтон.

– Очень неприличная сцена, – высказалась старшая сестра Брэддок, и все с ней согласились.

Но даже в полутьме я различила знакомый блеск в глазах. *Скандал.* Конечно же, и детские мюзиклы бывают *скандальными*.

– В свои девять лет она играет потрясающе, – признала Сюзи. – Она танцует с Элмером Хатчинсом, одетая только в красные носочки. Вы же помните, как при этом крутятся ее косички!

Еще одна пикантная пауза.

– Кто такой Элмер Хатчинс? – спросила я.

– Любимый попрошайка всей портсмутской детворы, – ответила Сюзи.

– Говорят, он больше не пьет, – заметила Нелли Уоррингтон, допивая вторую чашку чая.

– А я вот не доверяю пьянчужкам, даже когда они трезвые, – высказалась Мэри Брэддок. – Они только и делают, что ищут неприятностей. Вот ведь что случилось с Эдвином и с тем Сахарным Человеком, который его убил...

– Ну, такое не каждый день случается, мисс Брэддок, – возразила Сюзи.

– Достаточно часто, чтобы мне не нравились пьянчуги, – отрезала Брэддок, чья начальственная манера, как я позже убедилась, состояла в том, чтобы заканчивать все споры, оставляя последнее слово за собой.

На сей раз это ей не удалось, потому что мечтательная Джейн Уимпол не удержалась и добавила:

– Элмер совсем другой. Дети его обожают. К тому же, мисс Брэддок, мне рассказывали, что убийца Эдвина, прежде чем стать Сахарным Человеком, сидел в тюрьме Анкор-Гейт за ограбление...

Ответом ей было всеобщее негодование. Нелли Уоррингтон взялась ввести меня в курс последних событий: речь шла о городском бродяге Эдвине Ногтсе, который играл в «Жертвенной Люси», любимой мелодраме Гетти. А потом, неделю назад, его тело нашли рыбаки с нового причала Саут-Парейд, это случилось на пляже у Восточных бараков. Известно же, рассказывала Нелли, что Эдвин и бывший заключенный по имени Гарри Хискок, после тюрьмы работавший Сахарным Человеком, за несколько дней до того устроили при свидетелях поножовщину, и теперь в полиции убеждены, что именно Хискок убил Ногтса.

– Хискок повсюду кричал, что Эдвин украл у него роль в театре «Милосердие», что при приюте Святой Марии, – объясняла Нелли. – Иметь хоть какую-то роль в «Милосердии» для этих людей очень важно... Ведь чтобы не умереть с голоду, Хискоку приходилось подрабатывать Сахарным Человеком!

Я спрятала брезгливую гримасу. Сахарные Люди вошли в моду и в Лондоне. Это было самое омерзительное и низкопробное уличное развлечение, за гранью всякой морали:

мужчины и женщины обмазывают тело липким сахаром и бегают по ночным проулкам со связкой ложек на длинной цепи, висящей на шее. Это позвякивание сделалось уже привычным. За одно пенни ты можешь отведать сахарку, а за несколько – наесться до отвала, соскребая слои ложкой с кожи. Оголение Сахарного Человека сделалось любимой забавой детей из благородных семейств.

– Мне говорили, что после той драки мальчишки лизали сахар, сочившийся из ран Хискока, – прошептала Нелли, и мы содрогнулись от отвращения.

– Определенно, Эдвина убил этот бывший сиделец, – постановила старшая медсестра.

И все признали ее правоту. Миссис Мюррей, покончившая со своими тарелками и с остатками чужой еды, попросила себе пирожных.

Я поняла, что момент подходящий. Кашлянула, а потом сказала:

– Я вот о чем хотела бы спросить. Меня прикрепили к некоему... «мистеру Икс». Что вы о нем думаете?

Над столом повисла тишина.

– Да мы уже знаем, доченька, нам так тебя жалко, – посочувствовала Нелли Уоррингтон.

– Наша вновь прибывшая скоро станет вновь замененной, – предсказала старшая сестра.

– Лучше бы ты осталась, ты мне нравишься, – поддержала меня Сюзи Тренч.

– Я к нему даже близко не подойду, – заявила Нелли Уоррингтон.

Пришлось вмешаться и сердобольной Джейн Уимпол:

– Давайте все же не будем запугивать бедняжку...

– Бетти Гарфилд – та, что ухаживала за ним до тебя, плакала каждый день, – вздохнула Сьюзан.

– Этот тип свел Бетти с ума, – заметила сестра Брэдок, ни к кому не обращаясь.

Нелли прошептала, как будто сестры договорились сообщить мне страшную тайну:

– Бетти говорила, что иногда, по ночам, из комнаты мистера Икс доносятся *разные голоса*.

– А ты их что, сама слышала? – спросила Брэдок. Нелли покачала головой. И тогда старшая сестра повторила: – Я вам уже сказала: он свел Бетти с ума.

Положение спасла Сьюзан Тренч:

– Ах, боже мой, Энни, он тебе уже делал... ну это... с *флейтой*? – спросила она.

– С какой флейтой?

Все рассмеялись, и Сьюзи вместе со всеми. В отблесках лампы трепетали белые нагруднички. Но это был нервный смех, с нотками страха. И он резко оборвался от окрика миссис Мюррей:

– Девушки, девушки! Вам кажется, что вы знаете, когда вы ничего не знаете, а то, чего вы не знаете, – выдумываете! Этот человек... *ужасен*! Я видела его в день появления в

Кларендоне и сразу же предупредила Понсонби: не доверяя ему, сказала я, он не сумасшедший. Этот человек... он колдун. А может, и *похуже* того. Сильно *хуже*.

– Ах, пожалуйста, миссис Мюррей... Вы с ним даже... не работали...

– Сюзи Тренч! Как можешь ты называть себя медицинской сестрой, если, впервые увидев пациента, не испытываешь никаких предчувствий? – Старуха обвела взглядом всех нас. – Уж верьте мне, если я говорю: осторожно, этот субъект опасен. Понсонби говорил мне, что в его предыдущем пансионе, в Оксфорде... произошло *нечто*. Он точно не знает, что именно, но не обошлось без вмешательства *полиции*.

При упоминании «полиции» мне всегда становится тревожно. Я представила мистера Икс в роли безумного убийцы.

– Мне он не кажется человеком *настолько... настолько* опасным, – возразила Джейн Уимпол из-под своего *благопристойного* козырька. – Разве что... Разве что... Временами...

– Разве что он абсолютно безумен, дорогуша! – закончила за нее сестра Брэддок.

Эта фраза открыла ворота для новых улыбок. Но я продолжала смотреть на миссис Мюррей, которая качала головой и тоже не сводила с меня глаз.

– Я-то знаю: он как будто... *чего-то дожидается*, – прошамкала она.

Не знаю почему, но от последней фразы у меня мурашки побежали по коже.

– Он дожидается возможности напасть на ближайшую медсестру, – объявила язвительная Мэри Брэддок, целиком заглатывая пирожное.

Девушки засмеялись, но я чувствовала на себе пристальный взгляд водянистых глаз миссис Мюррей.

5

В тот вечер, заходя в комнату, я чувствовала себя гораздо спокойнее. Люди обычно боятся сумасшедших, потому что те ведут себя странно. Если бы, к примеру, безумцы маялись животами, никто бы не боялся смотреть, как их тошнит. От головных болезней тоже приключается тошнота – только особого рода. Я подумала, что мои коллеги-медсестры и даже сам Понсонби – профессионалы по уходу за богатыми маньяками, а вот настоящий сумасшедший, из тяжелых, возможно, поставит их в тупик.

Что ж, с Энн Мак-Кари, порабатовавшей в клинике для душевнобольных, такого не случится.

Открыв дверь, я тотчас прошла к окну и широко раздвинула шторы. Дождь, уже не такой свирепый, как утром, капал на стекла.

– Доброго, прекрасного вечера ненастного, мистер Икс! Я открываю окно, чтобы проветрить.

– Нет, – снова ответил этот мягкий, но звонкий голос.

Я наклонилась над креслом, притворяясь рассерженной:

– Погодите, сэр, погодите. Почему вы не хотите, чтобы я отворила окно?

– Потому что я не хочу, мисс Мак-Кари. К тому же вы уже раздвинули шторы. Задержите их.

– Это не причина.

Он молча смотрел на меня большими разноцветными глазами, не мигая.

– Я предупредила доктора Понсонби, – сказала я. – Врач-специалист осмотрит ваш глаз, сэр.

Рот его дернулся, мистер Икс как будто прищелкнул языком. Неожиданно было видеть движение на этом застывшем лице. Я улыбнулась:

– Не ведите себя как ребенок. Специалист не причинит вам никакого вреда.

Мистер Икс протяжно вздохнул. А потом на его губах отобразилась нерешительная улыбка. Я хорошо ее запомнила. Слабая и мимолетная, но все же отчетливая. И я почувствовала гордость оттого, что заставила ее расцвести на этом невыразительном лице.

Бедненький, подумала я. Всего-то ему и надо что участливого и ласкового разговора.

– Доверьтесь мне, – попросила я, гордясь своим маленьким успехом, и даже осмелилась похлопать его по руке. – Все будет хорошо.

Я все еще продолжала его похлопывать, когда он снова заговорил. Он едва повел тонкими губами, но голос был все тот же, чистейший и бархатистый:

— Я полагал, что частный и дорогостоящий пансион Кларендон мог бы нанять кого-то получше, нежели разочарованную девицу, переживающую из-за своей якобы недостаточной физической привлекательности, что побудило ее броситься в объятия моряка, которого бутылки прельщают больше, чем она сама, и который недавно запустил в нее одной из таких бутылок, из-под красного вина, а позже пытался ее задушить.

Я перестала похлопывать.

Рука моя замерла.

Я прикрыла рот другой рукой.

Клянусь вам, в этот момент даже дождь перестал накрапывать.

Господи.

Господи.

Господи.

Господи.

Господи.

6

Я не помню, что говорила, не помню, что делала. Заплакала? Разодрала на себе кожу? Зарделось ли мое лицо? Вспых-

нул ли румянец стыда на моих щеках?

Мне казалось, я вижу сон наяву.

– Если вам требуется поплакать, не делайте этого над ковром, – тем же тоном продолжил головастый человечек. – Щелочной состав слезы вызывает нестерпимый запах, вступая во взаимодействие с ненатуральной тканью. А теперь, пожалуйста, задерните шторы. До ужина вы мне не понадобится, всего хорошего.

Не знаю, как я нашла силы, чтобы повиноваться. И не помню, как мне в потемках удалось выбраться из этой комнаты; полагаю, я проделала это, переступая ногами в моих новеньких медсестринских туфлях (которым теперь уже недолго осталось быть моими, подумала я). И вот я вижу себя решительно шагающей по коридору в сторону лестниц, я словно автомат – из тех, что иногда показывают в театре марионеток. Дальше – в холл, дальше – через кухню, дальше – в мою комнату под самой крышей. Благодарение Небесам, по пути мне никто не встретился. Или я просто никого не замечала. Или я просто не помню, с кем встречалась по пути. Или я просто умерла и пишу эти строки из могилы. О господи! Ой-ой-ой!

Я закрыла дверь и уселась на кровать, нервно потирая руки.

Когда я была девочкой, матушка водила меня на пляж – быть может, всего в каких-то нескольких шагах от того места, где я находилась сейчас. На пляже я занималась своим любимым делом: выходила к самой воде и сгребала мокрый песок, используя паузы между набегаящими волнами. Так мне удавалось быстро воздвигнуть маленький холмик. Когда волна его смывала, я принималась за новый. Целью моей было возвести холмик так быстро и так прочно, чтобы волны не смогли его уничтожить. Мне было жалко каждую из моих построек. Конечно же, у меня ничего не получалось: море всегда действовало быстрее и выигрывало. И вот мне подумалось, что сейчас все происходит точно так же с каждым объяснением, которое я пытаюсь найти.

Кто мог ему рассказать? Мой брат?

Но зачем бы Энди что-то обо мне рассказывать душевнобольному из Портсмута?

Быть может, Энди наябедничал на меня, чтобы меня выгнали с этой работы, чтобы таким образом помешать мне воссоединиться с Робертом? А вдруг про меня с Робертом известно всему Кларендону? Какой ужас! – пронеслось у меня в голове. Нет, не может быть, решила я. Такое возможно только в спектаклях. Обычно же, в реальной жизни, нечто столь *скандальное* почти никогда не получает огласки.

С другой стороны, мне известно, что Роберт никогда не нравился моему брату, хотя это его нисколько и не оправдывает. Дело в том, что Эндрю вообще не нравилась перспектива моего замужества. Он предпочитал возложить на меня заботы о семье, а сам в это время искал в Лондоне возможность проявить себя на театре. Когда эксперименты с подпольным театром зашли слишком далеко (брат почти ничего о них не рассказывал, только намекал, что такие спектакли «для женщин не подходят», — и они, видит Бог, действительно не подходят, но я-то видела кое-что подпольное с Робертом), он отказался от своей затеи и нашел себе работу в банке. А мне брат предоставил уход за больными. Что верно, то верно, это дело у меня хорошо получалось: я ухаживала за нашим отцом, когда нога его раздулась так, что лодыжка, казалось, взорвется, стоит подойти поближе; когда отец умер и мы продали наш дом на Хайтон-Элли, я увезла матушку в Лондон и там за ней присматривала, а чтобы платить за аренду нашей берлоги в Саутуарке, я еще и подрабатывала почасовой сиделкой. Именно в это время я познакомилась с Робертом Милгрю, младшим матросом на торговом судне с названием «Неблагодарный». Я сознавала, что Роберт — не ангел, слетевший с неба: он был пьяница и игрок, жевал табак и плевался, орал на меня и лупцевал. Я была убеждена, что к насилию его подталкивает выпивка, а сам он не такой и что у меня когда-нибудь получится увести его от выпивки. Поэтому я взяла на себя заботу о Роберте.

Что ж, Энди, Роберт тебе не по нраву, но ведь в детстве у тебя был собственный театрик, так позволь же и мне завести свой в мои сорок лет. Вот о чем я размышляла. Ни Роберт, ни театр не приносят чистого, *пристойного* наслаждения, но все же они дают нечто, в чем мы все нуждаемся.

По крайней мере, так я полагала до нашей последней встречи.

Когда случилась бутылка. И следы на шее.

А теперь пора хорошенько *подумать*.

Незавершенное удушение и бросок бутылки – таких подробностей *не знал даже Эндрю*. А я старалась прятать синяки от пальцев Роберта под шейным платком.

Может быть, это Роберт донес о нашей связи, чтобы меня выгнали из Кларендона?

Но если в пансионе знают о Роберте, почему же тогда меня приняли?

Холмики из мокрого песка.

Единственным, что меня успокоило, – хотите верьте, хотите нет – было совсем глупое занятие: разглядывание моих собственных рук, которые я все это время не прекращала нервно потирать. Созерцание моих пальцев с короткими ногтями и застарелыми мозолями, прожилок на покрасневшей коже рук – вот что вернуло меня к реальности.

Я не понимала, что случилось и почему, однако у меня имелось важное дело, и я не собиралась его отменять из-за одного-единственного происшествия.

Меня зовут Энн Мак-Кари, и я медсестра.

Я спустилась на кухню, велела служанкам приготовить мне слабый чай, нашла в аптечке марлю и пинцет и вот, вооружившись дымящейся плоской и инструментами, вернулась в комнату моего пансионера. Какая разница? – говорила я себе. Я уже умерла (из-за *скандала*), он может быть кем угодно, хоть колдуном, хоть самым дьяволом, однако этот глаз нуждается в облегчении страданий.

В этом было что-то земное. Деятельность. Забота. Что-то мое.

Я постучала и вошла, не дожидаясь ответа. Очутившись в темном помещении, при задвинутых шторах, я поначалу не заметила перемены. Я успела поставить поднос на столик и только потом в панике отскочила назад. Кресло двигалось. На сей раз это была не иллюзия. Оно подрагивало.

– Мистер Икс?

Я заглянула за спинку и в полутьме увидела его очертания: левая рука поднята, правая согнута в локте и стремительно движется над левой, туда-сюда. Глаза мистера Икс были прикрыты, но приступ лихорадочной активности завладел всем его существом: даже в темноте я различала вздувшуюся вену, ползущую по лбу, словно раздувшаяся от крови пиявка.

– Боже мой, сэр! – взвизгнула я.

Я обхватила его голову, пытаюсь заставить открыть рот, чтобы он не прокусил себе язык, – именно так обыкновенно и поступают, оказывая первую помощь при конвульсиях. Не

совсем обыкновенными были последствия: конвульсии тотчас же прекратились, мистер Икс нахмурил брови и посмотрел на меня:

– Мисс Мак-Кари, вы не могли бы позволить мне продолжить игру на скрипке?

– На... скрипке?

– В это время я обычно играю на скрипке.

– Приношу извинения...

– Извинения приняты. Пожалуйста, разрешите мне продолжить...

Должна сказать, пускай и с сожалением (теперь, когда я выяснила, чем он занимается или, по крайней мере, чем он, *как ему кажется*, занимается), что его движения были ужасны. Я никогда не видела вблизи игру профессионального скрипача, но готова поклясться, что таких дрыганий они не производят. И все-таки... в этих движениях или в сосредоточенном выражении лица было что-то, заставившее меня созерцать его игру куда дольше, чем того требовал здравый смысл.

Никогда прежде моим вниманием настолько не завладела тишина.

В конце концов я покинула комнату на цыпочках, как будто чтобы не мешать артисту во время концерта.

В холле я встретилась с Сьюзи Тренч и с улыбкой заметила:

– Это скрипка.

– Что?

– Сьюзан, то, на чем он якобы играет, – не флейта. Это скрипка.

Теперь я чувствовала себя гораздо лучше. Мистер Икс совершенно безумен. А я – его медсестра.

8

Оставался еще каверзный вопрос, как он прознал про мои дела с Робертом, но я была уверена, что рано или поздно разберусь и с ним.

И вот еще что пришло мне в голову.

Доктор Понсонби сказал мне: *«Ведите себя осмотрительно»*. Мистер Уидон и мои товарки впадали в беспокойство. Миссис Мюррей назвала его «колдуном»...

А что, если они боятся этой его загадочной способности? Я сталкивалась с подобным в Эшертоне: больные, которые умеют совершать в уме сложные математические вычисления или наизусть цитируют целые страницы из Библии... От этого они не становились менее сумасшедшими, но меня все-таки бросало в дрожь. А что, если и мистер Икс из таких? Доктор Корридж утверждал, что чудесные способности возникают вследствие «необычного фронтально-френологического развития», – не знаю, как вас, но меня это объяснение оставляло ровно на том же месте.

Как бы то ни было, я его медсестра. Мой долг – заботиться

о нем, а не понимать.

Вечером после ужина я вернулась к моему пансионеру, чтобы дать ему лауданум (Понсонби прописал ему несколько капель перед сном, вскоре я узнала, что он прописывает лауданум почти всем) и приготовить постель.

Я даже не подозревала, что рискую жизнью.

Ночью в комнате, по крайней мере, горела лампа на каминной полке. Свет был совсем тусклый, но при нем можно было передвигаться, не опасаясь переломать кости о какой-нибудь выступ. Поставив лекарство на ночной столик, я направилась к окну и быстро раздвинула шторы. Я была готова к схватке с чудовищем – не из храбрости, а из милосердия: больным являлся он. А я должна о нем заботиться.

– Доктор вызовет офтальмолога, он осмотрит ваш глаз, – сообщила я. – А я чуть-чуть приоткрою окно. Здесь необходимо проветрить.

Ответа дожидаться я не стала, сразу взялась за шпингалет, при этом приговаривая:

– Шум моря успокаивает, он поможет вам...

– Осторожнее, – раздалось у меня за спиной.

– Мне все равно, что вы будете говорить, сэр.

– Осторожнее, мисс Мак-Кари.

– Но поче?..

В этот миг я повернула шпингалет. Движение мое было резким, потому что механизм как будто заело, и если бы я не отвела лицо, чтобы расслышать голосок мистера Икс, то

сейчас я бы вам об этом не рассказывала: язычок шпингалета, вставленный в паз, развернулся ко мне острой вытянутой полоской, похожей на лезвие ножа. Я отскочила назад, облившись больше, чем напугавшись.

Несчастные случаи поджидают нас в самых непредвиденных местах.

– Какой идиот приделал сюда эту штуковину?! – закричала я, не помня себя.

– Быть может, тот же самый, кто подумал, что окна в доме для душевнобольных не должны открываться с легкостью, – пояснил голос у меня за спиной. – Хотя инженерное решение, безусловно, не самое лучшее.

Да, это было объяснение. Сумасшедшие порой рассуждают с поразительной ясностью. Я оставила окно приоткрытым, морской воздух меня успокаивал. Мое любимое портсмутское море. Тихий плеск волн долетал из-за деревьев, сумерки были усеяны огнями кораблей. Утренний ливень подарил вечеру свежесть. Как может этот несчастный жить взаперти, отказывая себе в таких удовольствиях?

Я как раз собиралась постелить постель, когда снова услышала голосок за спиной:

– Вы обращаетесь со мной подчеркнуто нелюбезно, мисс Мак-Кари. «Спасибо» – вещь необязательная, однако желательная. Я только что спас вас от Шпингалета-убийцы.

– Спасибо, – отозвалась я ровным голосом, взбивая подушку.

– Ах, я подозреваю, вас расстроили мои сегодняшние наблюдения.

– Ничуть не бывало, сэр. – Я честно пыталась придержать язык, но не смогла. Роберт любил повторять: «У тебя хватает пороху, чтобы говорить, а вот отвечать за свои слова – пороху не хватает». – Они меня не расстроили, потому что вы меня совершенно не знаете... Но... если я не ошибаюсь... или же с вами говорил кто-то, кто меня знает...

– Иными словами, вы хотите, чтобы я объяснил вам, как я это узнал.

– Нет, спасибо, я уже поняла. Вам помогает что-то фронтальное... и френологическое.

Я расслышала вздох.

– Кажется, врачи уже поделились с вами своим неведением. Иногда я чувствую себя так, словно играю в шахматы с противниками, играющими в шашки.

– Я вас не понимаю, сэр...

– Разумеется, не понимаете. На мой интеллект в мире существует несомненный спрос, поэтому я принял решение им торговать. Я предоставлю вам объяснение в обмен на две услуги.

Тихая, но ясная ниточка слов, как и всегда.

– Какие услуги? – подозрительно спросила я.

– Не будет ни открытого окна, ни глазного врача.

Я почти улыбнулась. К счастью, я стояла за креслом. Он не мог меня видеть, даже будь у него глаза на затылке.

– Окно я закрою. А вот глаз нужно осмотреть.

– Вы очень упрямая.

– Мы уже начинаем понимать друг друга. – Я занималась покрывалом, слушая его голос.

– Как вам будет угодно.

Возникла короткая пауза, потом я вновь принялась за постель.

– Я уступила вам половину. Вы тоже могли бы уступить мне половину ваших объяснений.

– Мисс Мак-Кари, половина – это и есть объяснение целиком. Но чтобы вы спокойно спали этой ночью, я скажу: как только вы вошли сюда в первый раз, я услышал, как ваши пальцы теребят платок, а в голосе вашем слышалась легкая хрипотца – так бывает у человека, которого душили, и последствия удушения еще не прошли. Запах рома и дегтя на вашем платье и гораздо более легкий запах хорошего красного вина в ваших волосах. Ужин тет-а-тет. Присутствие третьих лиц исключается попыткой удушения. Интимная обстановка. А если женщина, подобная вам, состоит в близких отношениях с подобным субъектом, это может означать только одно: она слишком низко себя ценит.

– Нет... Все это вот так вывести невозможно... – просто-нала я.

– Еще раз прошу вас не плакать над ковром. Пожалуйста. Я вытерла слезы и сошла с ковра.

– Никто не может... узнать *все* это, просто посмотрев на

человека! – не сдавалась я.

– Вам нравится театр? – неожиданно спросил мой голова-
стый пациент.

– Ну конечно, кому же он не нравится? – Вопрос застал
меня врасплох.

– Мне.

– Вам не нравится театр?

– Да.

– А при чем тут все, что мы обсуждали?

– Если вы перестанете засыпать меня вопросами, я сумею
объяснить.

Я замолчала, борясь с раздражением. Голосок продолжал
вещать:

– В театре все сидят и наблюдают за спектаклем. Я делаю
то же самое, но мой спектакль – это люди. Ясно, что вы меня
не понимаете.

Я действительно его не понимала. Единственное, что я по-
няла, – это что он догадался обо всех моих несчастьях, про-
сто на меня посмотрев, и от этого я вновь разрыдалась.

– Если это вас утешит, знайте: я тоже не понимаю, поче-
му женщины плачут по всякому поводу, – признал голос из
кресла.

Я решила ответить резко:

– Потому что не в наших привычках бить и унижать дру-
гих, когда мы сердимся, не в наших правилах так вот в лицо
выкладывать интимные подробности...

Мистер Икс ничего не ответил. Я воспользовалась паузой, чтобы закрыть окно.

– Доброй ночи, мис... – Обернувшись, я застыла как вкопанная.

Кресло было пусто.

На секунду я подумала, что мой пансионер улетучился, как призрак. Однако он просто лежал на своей кровати, на спине.

– Вы не приняли свой лауданум, – напомнила я, заметив нетронутый стакан.

– Я в нем не нуждаюсь. Беседы с вами обладают снотворным эффектом.

– Спасибо.

По выражению его лица я догадалась, что таково его представление о шутках. Определенно, что-то привело мистера Икс в хорошее настроение.

– Доброй ночи, мисс Мак-Кари. Теперь мне пора спать. Завтра у меня ранний подъем.

Так он и поступил: когда я подошла ближе, мой пансионер ровно дышал с закрытыми глазами. Как будто погасил свет и сразу же вышел из комнаты.

Я тоже вышла, погасив лампу.

Вот только мне в моей каморке никак не удавалось заснуть, несмотря на усталость после суматохи первого дня в Кларендоне. Какой странный человек, думала я, никогда прежде таких не встречала, ни сумасшедших, ни нормаль-

ных.

В конце концов, я, наверно, все-таки заснула, потому что театр сновидений заработал со всей яркостью. Я увидела Роберта в кресле с высокой спинкой, а рядом с ним – миссис Мюррей с широкой лучезарной улыбкой.

– *Он чего-то дожидается,* – раз за разом повторяла старушка.

ПОРТСМУТ ДЖОРНАЛ

«Цыгане короля Леонта», музыкальный спектакль Э. Пугуча в театре «Милосердие», приют Святой Марии

...припев такой привязчивый: «Круши, руби, пали! Руби, круши, пали! Вот так живут пираты далёко от земли!» Пираты и пираточки! Песни, которые не забываются! Но веселятся здесь не только дети: постановка маэстро Петтироссо с труппой «Коппелиус» никого не оставит равнодушным... Мы же видим, как юные «пираточки» смущенно обнажаются прямо на сцене... Юные зрители верещат, трепещут и швыряют на сцену что попало после каждой снятой девицами вещички. Потрясающий взрыв радости! Все так по-детски скандально! Не тревожьтесь, миссис, когда появится Элмер, ваш сыночек будет вопить так, что у него пена пойдет изо рта! Вы все еще беспокоитесь?... А нам вот нравится смотреть на этих маленьких зверьков с выпученными глазами, хохочущих как безумцы! Великий Элмер Хатчинс заставляет их визжать! Храни его Господь!

Д. Х. Хамберт

Конец карьеры Элмера Хатчинса

*Финалы некоторых сцен нас изнуряют.
Джером К. Эдвардс. Энциклопедия драматического
театра (1865)*

Элмер не знает, где он. Откровенно говоря, его это и не беспокоит.

Потому что, где бы он ни находился, тут есть ОНА.

Элмеру хочется плакать, смеяться, выплеснуться в оргазме – в его-то шестьдесят четыре года.

Поначалу он считал, что видит сон. Но нет: эти бедра, эта шелковистая кожа, как у спелого плода, эти упругие мышцы... Она совсем молоденькая, но это лучшее существо женского пола, с которым ему доводилось иметь дело в своей жизни.

Каковых, оговоримся сразу, было не так уж и много. Потому что жизнь Элмера Хатчинса – одна из заранее «предначертанных»: от деревни к северу от Портсмута, которая, возможно, была стерта с лица земли, когда Элмер ее покинул, до самого портсмутского причала. Работы ему всегда хватало. С его почти шестью с половиной футами роста⁴, с его плечами, которые не охватишь никаким объятием, с его невероятной силой, он идеально годился в груз-

---

⁴ 6,5 фута – это 198 сантиметров.

чки. При этом Элмер по натуре был парень приветливый, чуть глуповатый и добродушный. Уже в порту его поколачивали ребята намного более хилые и низкорослые – единственно потому, что Элмер не видел причин отвечать ударом на удар и терпеливо сносил любую трепку. Однако нашлись и такие, кто причинил ему гораздо больший вред: познакомили с алкоголем и понуждали к выпивке. Пьяный Элмер вел себя как глупый медведь, и излюбленным развлечением грузчиков стало любоваться, как он покачивается – вроде как танцует, а потом валится навзничь. На этой работе Элмер долго не продержался. «В Святой Марии меня спасли», – говорил он. В приюте ему подобрали новое занятие – или, точнее, разъятие: парню выдавали толстую веревку и он, в компании других бедолаг, своими толстыми пальцами раздергивал ее на волокна – то была вывернутая наизнанку кропотливая работа паука. Потом эти волокна продавались в качестве пакли, а работа сама по себе помогала держать при деле таких, как Элмер, кто и думать ни о чем не мог, кроме темной жидкости в бутылках. Элмер утверждал, что раздергивание веревок спасло ему жизнь, и с тех пор таскал в кармане своих заношенных штанов связку канатных нитей, чтобы никогда не забывать о тех временах. Нитки приносили ему удачу.

А в театре «Милосердие» Элмер открыл в себе еще и талант веселить детей. Его большое тело, его огромная белая борода и густой голосище поначалу пугали ребятню. А по-

том они хохотали без умолку, когда за этим старым великаном начинали гоняться, когда его колошматили или выгоняли со сцены пинками и палочными ударами, точно громадное улыбающееся пугало. Все происходило примерно так же, как и в порту. Разница состояла в том, что на театре его никто по правде не обижал. И Элмер радовался, видя, как его терзания превращаются в празднество для малышей. Постепенно ему становилось все легче без страшного алкоголя, который только мозги туманит, как он частенько повторял своему юному приятелю, заике Дэнни Уотерсу. «Нету в бутылке ничего хорошего, Дэнни! Погляди, что случилось с Эдвином. Есть и другие способы быть счастливым», – приговаривал он.

И уж конечно, девушка, с которой он сейчас, знает все эти способы.

Девушка – это не бутылка. Это дух, обитающий внутри. Элмер готов в этом поклясться.

И все же вот что любопытно: Элмер ее не тискает, не прикасается даже кончиками пальцев.

На самом деле – теперь-то он замечает – они даже не находятся рядом.

Элмер знает только, что она здесь. И что он здесь. И она изгибается перед ним, и у него слюна течет из щелей между зубами: такие толстые струи, как нитки пеньки, которые он дергал на своей прежней работе. Каждая капля – удар колокола... и так двенадцать раз.

И тогда Элмер понимает: он сам сделан из веревок. Его кишки, веки, борода, яйца, мозг... Каждая часть его тела изготовлена из крепких переплетенных волокон. Слюна — это способ потянуть за конец одной из веревок, чтобы узел развязался. Элмер постепенно распутывает клубок, стелясь колечками по полу. Это приносит ему такое головокружительное наслаждение, что вскоре, почти без перехода, оно сменяется страхом.

Когда Элмер хочет крикнуть, напрячь свои голосовые связки, происходит последний мягкий рывок, связки распускаются и мягко ложатся на вершушку холмика.

Даже сейчас ему слышен голос. Голос доносится из тени, где исчезла девушка.

Насмешливое эхо звучит все громче:

Элмер совсем развязался!

Элмер совсем помешался!

Вот и спектаклю конец!

Скоро он будет мертвец!

Труп

1

Новость я узнала на следующий день от Сьюзи Тренч. Сьюзан вместе с одной из служанок высунулась в окно на лестничной площадке и, услышав, что я поднимаюсь, обратила ко мне милые голубые глазки:

– Здравствуй, Энни. Там... Вот... На пляже.

– Ой.

Я заняла место рядом с девушками. Не помню, приводила ли я точное расположение Кларендон-Хауса. Если высунуться из окна, то увидишь на востоке (солнце било прямо в глаза) новые постройки порта Саут-Парейд с его флажками, тавернами и увеселительными палатками (в одной из которых, по словам Сьюзи, по ночам иногда устраивают *арену*). На другом краю пляжа, на западе, различались очертания старинного замка Саутси – до недавнего времени оборонительного бастиона нашего острова, а ныне (не каждую ночь) – площадки для представлений на открытом воздухе. Но гораздо ближе – если понизже наклониться и проследить за изгибом береговой линии – можно увидеть часть проспекта Кларенс и ряд сосен, таких же, что украшали и наш сад. Под соснами на песке собралась целая толпа. Я разглядела

соломенные шляпы, полицейские шлемы, солнечные зонтики и несколько купальных костюмов. Гетти Уолтерс оттеснила меня своим роскошным бюстом:

– Вот же как... Труп!

Я ни капельки не изумилась. Шел мой второй день работы в Кларендоне, и что же появляется в двух сотнях ярдов от места моего пребывания? Мертвое тело.

Я посчитала это делом почти нормальным. Преимущество вечно невезучих людей – это отсутствие у нас предрассудков.

2

В то утро окно на лестничной площадке превратилось у персонала Кларендон-Хауса в самое посещаемое место. Ничего странного, если учесть, что это окно обладало наилучшим обзором, за исключением комнат пансионеров со второго этажа восточного крыла. Верхняя лестничная площадка находилась слишком высоко, а кабинеты Уидона и Понсонби выходили окнами на стену. Вот почему мы все столпились у одного проема, словно зрители бесконечного представления. К нам присоединились и мистер Уидон с Джимми Пигготом. Потом приковыляла и миссис Мюррей – ей помогала идти старшая медсестра. Мы расступились, предоставляя старушке получить свою порцию зрелища.

– Кто это? – хрипло спросила она.

Ответа у нас не нашлось. Мы выработали определенный

порядок: у кого меньше дел, тот проводит больше времени у окна и информирует других об изменении обстановки. Так я убедилась, что мистеру Уидону делать почти совсем нечего: он неотлучно находился на официальной смотровой площадке, а когда к нему кто-нибудь подходил, он принимался с рассеянным видом сообщать новости:

– Приехал судья, приехал врач... Репортеры тоже здесь. Полицейские оцепили местность. Кажется, что-то серьезное...

Серьезным могло бы показаться то, что мы отрываемся от работы, чтобы следить за развитием пляжной истории, однако, должна признать, такое случалось со мною и в Лондоне, с Робертом или без него. Роберт просто обожал разглядывать жертв преступления (арены ему тоже нравились); меня это прельщало в куда меньшей степени, но врать вам не буду: когда подобное приключалось, я вставала на цыпочки и заглядывала поверх чужих спин, как поступил бы любой на моем месте. Я также посещала вместе с Робертом подпольные представления. Смотреть – смотрю. А что другое остается нам, *почтенным* людям!

Ближе к полудню Гетти Уолтерс доставила нам очередную важную новость. Гетти часто выходила за пределы Кларендона (вспомните, именно она открыла мне калитку в первый день), болтала с садовниками, с прохожими на улице. Знать, что происходит снаружи, – в этом была ее жизнь. Гетти прибежала к нам, переполненная слезами и переживаниями, на-

грудник ее колыхался, между громкими всхлипами служанка жадно глотала воздух.

– Ой-ой!.. Там... там... Ууууу!..

Мы все обернулись к ней.

– Это был бедняжка Элмер! Вот же как! Бедный... Элмер!

Я далеко не сразу поняла, по кому так убивается Гетти. Оказалось, речь идет о том попрошайке, который якобы покончил с выпивкой и работал в театре «Милосердие» при Святой Марии. Нелли Уоррингтон говорила, что собиралась сходить на их представление. Разумеется, спектакль отменили. Печально, конечно, но я разглядела на лицах моих товарок легкое разочарование, потому что смерть нищего не является событием *скандальным*. Можно даже сказать, что речь идет о событии *обыденном*. В Лондоне нищие умирают насильственной смертью каждый день. Старшая сестра Брэддок даже презрительно нахмурила брови:

– Еще один убитый пьянчуга. С этими животными нужно что-то делать.

– Что, например, мисс Брэддок? – спросил Уидон, как будто чувствуя себя задетым.

– Даже не знаю... запереть их всех где-нибудь...

– Всех пьяниц Портсмута? Проще обнести город решеткой.

Сьюзи Тренч, тоже в этот момент глядевшая в окно, ткнула пальцем:

– Кто-то!.. Там!..

Мы стеснились в кучу, всем хотелось высунуться подальше. Полицейские на проспекте Кларенс окружили только что подъехавший экипаж. Приоткрылось окошко, нам были видны поклоны и приветствия.

– Это люди из Скотленд-Ярда, ясное дело, – определил премудрый Уидон.

– Скотленд-Ярд... ради *Элмера*? – недоверчиво произнесла сестра Брэддок.

– Если бы что-то случилось с нами, разве приехали бы из Скотленд-Ярда? – с упреком в голосе воскликнула Сьюзи, и никто ей не ответил.

3

Важнейшим следствием прибытия доктора Понсонби явился временный самороспуск *Группы-у-Окна*. Мы выстроились перед ним рядком, и доктор произнес такую речь:

– Поблизости от этого места случилась трагедия... Ой... я не имею в виду совсем *близко* и сообщаю вам не о *великой* трагедии... Кажется, все вы уже располагаете определенной информацией, кхм... Все очень просто: на пляже было совершено нападение еще на одного пьяницу. Это печально, не будем спорить, не самая печальная вещь на свете, однако... Наш долг, позвольте вам сообщить... Наш долг в качестве людей, отвечающих за Кларендон-Хаус... Полагаю, вам это известно... наш высший долг – успокоить пансионеров и

удовлетворять их новые потребности, которые будут возникать... в сложившихся обстоятельствах.

Какие еще новые потребности? Я вскоре поняла, что в подавляющем большинстве случаев речь идет о театральных биноклях. У некоторых они уже имелись: скажем, у лорда Альфреда С. (по очевидным причинам фамилий я не привожу) нашелся изящный бинокль. Другие, например сэр Лесли А., сразу же затребовали себе такие же. Никто из пансионеров не полагался исключительно на свое зрение, а невежучие постояльцы восточного крыла просили, чтобы им дали высунуться из окон на противоположном конце здания, чтобы лучше все разглядеть (за вносимые деньги они почитали себя в полном праве иметь собственные ложи). Разумеется, доктор Понсонби отверг всякую возможность проникновения в комнаты других пансионеров.

Как бы то ни было, благодаря этим хлопотам утро прошло оживленно и весело. И даже с пользой для здоровья: многие жильцы, давно отказавшиеся от прогулок, высказались в пользу свежего воздуха именно в этот день и час; им потребовался именно пляж, еще конкретнее – то место, где собралась толпа. Другие наблюдали за происходящим с некоторого удаления. Удовольствие получали все.

За одним-единственным исключением.

Когда я вошла в комнату к мистеру Икс, тот, только что позавтракав, сидел в кресле, но шторы оставались задернутыми. Я чуть было не споткнулась о таз, приспособленный

для утреннего умывания, которое мой пансионер совершал в одиночестве. Мне показалось невероятным, чтобы такой любопытный, такой назойливый субъект не поинтересовался происходящим снаружи.

– Сегодня ночью кого-то убили на пляже, – сообщила я. – Прибыла полиция и даже лондонский Скотленд-Ярд. Не желаете взглянуть?

С этими словами я потянула за штору.

– Пожалуйста, не могли бы вы снова задернуть шторы, мисс Мак-Кари? – Лицо его было напряжено, ничего общего с хорошим настроением вчерашнего вечера.

– Разве вы не хотите посмотреть? У вас лучший наблюдательный пункт во всем Кларендоне.

– Я уже ответил на ваш вопрос своим, мисс.

Я фыркнула и рывком задернула шторы.

– Ну что ж, продолжайте наслаждаться вашей проклятой темнотой, не отвлекайтесь ни на что, чему цена больше, чем... чем ваша «игра на скрипке»!

– Раз уж вы о ней упомянули, именно этим я и собираюсь заняться, – тотчас же отозвался он. – Сегодня я не буду обедать, сообщите кухарке, а еще я очень прошу: предупредите, чтобы мне не мешали.

Я оставила мистера Икс с его нелепым маханием рук по воздуху и захлопнула дверь.

Тело забрали только после полудня. Беднягу уложили на носилки и прикрыли простыней, но я пропустила этот момент, потому что занималась кормлением лорда Альфреда С., который в силу возраста не мог питаться самостоятельно. Вообще-то, это была обязанность Сьюзи Тренч, однако из-за необычайных обстоятельств этого дня и учитывая, что ваша покорная слуга была в Кларендоне новенькой, я уступила Сьюзан место у окна на лестничной площадке. Когда лорд Альфред С. откушал, я собрала тарелки, не дожидаясь прихода служанки. В холле я попала на глаза старшей сестре Брэддок, и она дала мне новые поручения, чтобы заместить моих глазающих коллег. Так что я хлопотала без устали, когда открылась входная дверь и на пороге — неподвижная и страшная — возникла Гетти Уолтерс; ее бездонный взгляд вызвал в моей памяти давнюю картину: я когда-то видела, как рожает корова, — пишу об этом, чтобы вы могли себе представить, без намерения оскорбить.

— Я... его... видела... — прошептала застывшая Гетти.

Не потребовалось много времени, чтобы *Группа-у-Окна* трансформировалась в Группу-вокруг-Гетти. И уж точно денек выдался нескучный. От бедной служанки, казалось, остались только глаза, она была вся белая, под цвет чепца. Лицо ее так меня напугало, что я сама начала дрожать. Все это

определенно выходило далеко за рамки *скандального*.

– Эл... ме... ра... – Новая порция всхлипов. – Эл... ме... ра!

Мы обступили служанку, мы переглядывались между собой, словно перебрасываясь нашими страхами. Единственным мужчиной среди нас – за исключением молоденького Джимми Пиггота, который в качестве юнца имел право ужасаться почти на равных с нами, – являлся мистер Уидон, а посему он с тяжким вздохом принял на себя ответственность за ситуацию. То есть за приведение Гетти в чувство. Однако было очевидно, что эта роль ему не подходит: Уидон, как мне рассказали, был холостяк, жизнь его составляли числа и дебет-кредиты (ну и кое-какие подпольные спектакли, чему тут удивляться), его неуверенность в обращении с людьми прямо-таки бросалась в глаза.

– Расскажите нам, что вы видели, – талдычил он не грубо, но настойчиво, – не оставляйте нас в неведении. А потом поплачьте, если захотите. Ну полно, полно. Говорите.

Нам пришлось сразу же перехватить у Уидона инициативу – вот так мужчины храбрятся при наступлении родов, а в конце концов перекладывают всю заботу на наши женские плечи. Мало-помалу мы успокоили Гетти, поочередно прижимая ее к себе. Мы как будто пытались – да простится мне это ужасное сравнение – мягкими поступательными движениями опустошить вместилище жидкости определенного рода, извлечь из него все до последней капли.

– Я была там... когда его... понесли, – наконец выдавила из себя славная женщина. – Мне ничего не было видно, я не могла протиснуться сквозь толпу... Там были и дети, и попрошайки. Ничего мне было не видно... Так ужасно, когда ничего не видно... Я слышала, как стучит мое сердце, а потом я услышала, как один... один полицейский что-то сказал. – Гетти, как под гипнозом, копировала интонации полицейского: – «Это дело рук сумасшедшего! Не смотрите! Дети, не смотрите!..» Пришли люди с носилками, это была карета из морга, что на площади Кларенс... И потом кто-то сказал: «Ну давай, берем». И люди расступились, когда его... его... – Она показывала своими пухлыми руками.

– Когда его понесли, – помогла сестра Брэдок.

– Да... Понесли... и тогда я *увидела*... У него были... О господи!

Именно в этот момент служанка вновь разразилась слезами. Нам снова пришлось ее обнимать.

– Гетти...

– Ну полно, полно...

– У него... были... такие... *уй-уй-уй-уй-уй... ууухххххуу-ууу...* – Дальше слушать было бесполезно. Неожиданно Гетти подбоченилась и улыбнулась из глубин своей боли. – Я и смеюсь и плачу, все вместе! В толк не возьму, что это со мной! Когда я вижу *такое*... я плачу и смеюсь.

В этот душераздирающий момент в дверь постучали. Все мы были до того напуганы, что, я уверена, вместе с чувством

страха испытывали некое *запретное* наслаждение. Мы получаем такое наслаждение от определенных зрелищ – и потом нам не хочется его вспоминать, но мы его никогда и не забываем.

Мистер Уидон – вновь избранный женским обществом на ответственную роль – открыл дверь и впустил в дом новый ужас. Ужас ворвался стремительно, по-военному. Мы как зачарованные взирали на эту форму, на этот плащ, который колыхался в такт шагам. За первым полицейским в Кларендон вошли и другие блюстители закона. Сопровождаемые Уидоном, они прошагали в кабинет доктора Понсонби, а вскоре отряд, к которому теперь присоединился и доктор, вернулся к нам в холл. Понсонби попросил старшую медсестру немедленно собрать весь персонал. Поскольку «весь персонал» и так уже находился здесь (за исключением миссис Мюррей, любительницы послеобеденного сна), долго ждать не пришлось.

Кухарка, служанки, медсестры и садовники сплотились вокруг Понсонби, на лице которого отобразилась бурная смесь эмоций. Очевидно, ему нравилось снова оказаться в центре внимания, однако в то же время Понсонби воплощал в себе достоинство и озабоченность, нервозность и растерянность. Он оглядывал нас одного за другим, как будто в поисках идеального зрителя: доктору требовалось лицо, которое в конце концов даст ему один-единственный ответ на все его чувства. Понсонби улыбался как человек, мечтаю-

щий стать знаменитостью, но не одобряющий средства, которые для этого придется использовать.

– Леди и джентльмены Кларендон-Хауса, ввиду... ввиду преступления, имевшего место прошедшей ночью на пляже, о чем вы все знаете... или должны бы знать... я не говорю *должны*, но должны бы... эти представители власти меня... известили, что нам нанесет визит... инспектор из Скотленд-Ярда. – Представители власти представляли местную полицию. Понсонби кашлянул и продолжил: – Упомянутый инспектор намеревается допросить персонал нашего пансиона, в первую очередь тех, кто оставался здесь на ночь. Поэтому... принимая во внимание то уважение, которое мы испытываем к правосудию, прошу вас оказать инспектору содействие.

Фоном к этой долгой речи нарастал шепот наших комментариев. Мы вычеркивали себя или добавляли в воображаемый список для допроса – в зависимости от того, ночевали мы в Кларендоне или нет, и даже в первом случае находились такие, кто заверял, что ночью не покидал своей спальни, – ну и я в том числе – и призывал других в свидетели этого обстоятельства. Каковых, к несчастью, и быть не могло, потому что они тоже не покидали своих комнат. Понсонби и Уидон, весьма довольные, что ночевали по домам, пытались восстановить спокойствие. Кларендон бурлил, как котел. Сюзи мне шепнула:

– Это похоже на... ну ты понимаешь... на... – Сюзи, как

обычно, перекладывала на чужие плечи нелегкую задачу выразить невыразимое.

– Похоже на *скандальный* подпольный спектакль, – договорила я, и продолжать мы не стали.

5

Люди из Скотленд-Ярда прибыли значительно позже, чем известие о них. Они как будто хотели заставить нас понервничать в ожидании. Служанке, открывшей дверь, пришлось пятиться, уступая дорогу двум агентам – одному в штатском, другому в полицейской форме. Первый был худющий и низенький, с густыми усами стального цвета и взглядом, какой мне не часто доводилось видывать: в нем была властная ясность и неестественная внимательность, а зрачки казались следами от уколов шприцем. Огромные уши торчали из-под полей фетровой шляпы. Руки он держал в карманах плаща, костюм был потрепанный. Но этот все пожирающий беспокойный взгляд забирал – и перетирал – тебя без остатка. Усы состояли из воткнутой в губу шипов, решительное выражение лица свидетельствовало о храбрости, преодолевающей боль. Сюда пришел закон – таков был смысл послания.

Медсестры, Понсонби и Уидон встретили агентов, выстроившись в шеренгу. Понсонби выступил вперед и протянул низенькому руку.

Тот ее не пожал.

– Я инспектор Огастес Мертон из Скотленд-Ярда. Это сержант Джеймсон.

Сержанта, который, как я и сказала, был в форме, сотворили, кажется, из материалов, оставшихся при сотворении Мертон: высокий, тучный, благодущный, с улыбкой над ремешком шлема (этот ремешок сильно смахивал на второй подбородок), с усами, похожими на толстого домашнего кота – в отличие от взъерошенного и агрессивного кота инспектора.

– Мы в вашем распоряжении, сэр, – почтительно объявил Понсонби.

– Благодарю. Я не отниму у вас много времени, доктор. Нам нужно помещение.

– Вы можете воспользоваться моим кабинетом, джентльмены.

Мы выстроились в очередь перед дверью; меня, как новенькую, было решено поставить последней. Уже опрошенные девушки подбадривали оставшихся. «Ничего страшного, сама увидишь», – шептали они. Однако, когда наступил мой черед, ноги у меня дрожали.

– Проходите, – сказал мне Понсонби.

Мертон, все так же держа руки в карманах, все так же в шляпе на голове, сидел в кресле Понсонби и мерно вещал. Сержант Джеймсон делал пометы в книжечке, стул прогибался под его весом, а Понсонби и Уидон, сидевшие на стульях возле окна, исполняли роль публики.

– Нет-нет, я вовсе не блистателен, – говорил Мертон, – не заблуждайтесь, доктор. Но. – Инспектор замолчал, надевая это «но» особой энергией.

– Всегда отыщется «но», – примирительно заметил Джеймсон.

– Но в этой работе, джентльмены, все зависит не столько от интеллекта, сколько от терпения. Мотивы и детали преступления образуют сложный ковер, и важно снимать слой за слоем, слой за слоем, мягко и старательно счищая ненужное, пока не останется сам факт... первозданный, чистый, незамутненный.

– Это так же верно, как то, что я рожден моей матушкой, – подтвердил сержант.

Быть может, то было чистое совпадение, но оба в этот момент посмотрели на меня, тем самым вогнав меня в краску.

– Присядьте, мисс... – Джеймсон сверился со своими записями. – Мисс Мак-Кари?

По счастью, допрос проводил именно сержант. Джеймсон задавал вопросы и записывал мои ответы – нам было несложно выяснить, что легла я в таком-то часу, завершив перед этим такие-то работы, и ничего не видела на пляже, – а Мертон тем временем сверлил меня своими ужасными глазами: они, казалось, впитали в себя всю преступную грязь нашего мира, которую не дано лицезреть простому смертному, – чтобы подвергнуть кропотливой чистке. Эти глаза были как два колодца, уводящие в бездонное подземелье, принимаю-

щее в себя страшные вещи, наподобие трупа Элмера Хатчинса на пляже, – я еще не знала, чем был так страшен этот труп, но очень скоро меня избавят от неведения, – и Мертон, хозяин этих колодцев, словно бы предупреждал меня: ради моего же блага, не нужно заглядывать глубоко, в противном же случае вся ответственность ложится на меня.

Когда я сказала, что порученный моим заботам пансионер проживает на втором этаже западного крыла, в допрос вклинился Мертон:

– Это, кажется, лучшее место для наблюдения. Не так ли, Джеймсон?

– Так же верно, как и смерть моего батюшки, инспектор.

– Доктор, нам придется опросить пансионеров из этого крыла.

Для Мертона это было самое обычное распоряжение, однако Понсонби едва не забился в конвульсиях. В нем, как частенько бывало, вступили в борьбу противоположные чувства: обязанность помогать правосудию столкнулась с заботой о репутации Кларендона. Понсонби даже поднялся со стула.

– О да, инспектор Мортон, мы в Кларендон-Хаусе всегда сотрудничаем с законом.

– Мертон, – поправил инспектор.

– Да, прошу прощения, однако... у нас также есть пациенты... и их уважаемые семьи. Я не хочу сказать, что уважение к семьям выше, нежели уважение, которое вызывает у нас

правосудие... Я только прошу вас учитывать специфические особенности нашего пансиона, в котором деликатность...

Мертон тоже встал, на лице его читалось нетерпение.

– Доктор Понсонби, я учитываю. Но...

– Всегда найдется какое-нибудь «но», – благодушно прокомментировал его помощник.

– Но Скотленд-Ярд, сэр, и есть синоним деликатности.

– В этом я и не сомневаюсь. – И Понсонби перевел моргающие глаза на меня. – Не будете ли вы столь любезны... сопроводить господина инспектора... в комнаты наших пансионеров второго этажа, западное крыло? Они наверняка уже закончили ужинать. Такой визит их не сильно беспокоит.

Мне подумалось, что Понсонби выбрал именно меня не только потому, что я случайно оказалась рядом. Я была новенькая, а потому меньше других посвящена в жизнь и частные секретики пансионеров. При моем участии Понсонби обеспечивал нашему обходу дополнительную деликатность.

6

Я испытывала естественный страх перед полицией – даже больше, чем перед злоумышленниками, поскольку при встрече с последними у тебя всегда есть возможность обратиться в полицию. Иными словами: когда передо мной зло, у меня остается надежда на помощь добра, но кто же защитит меня от добра?

Теперь вам понятно, отчего, пока я вела гостей по лестнице, а ужасный худосочный инспектор прямо-таки наступал мне на пятки, я все равно нервничала. Убийство – это убийство. Речь идет о чем-то серьезном, о чем-то реальном. Это даже не подпольный спектакль, когда тебя утешает сознание: я только зритель. Конечно же, я никоим образом, даже отдаленно, не связана с этим убийством, но ведь сейчас я нахожусь *внутри* расследования, рядом с полицейскими, участвую, не имея никакой возможности отказаться.

Поначалу дело продвигалось без сюрпризов. Раз за разом повторялся один и тот же ритуал. Мы останавливались перед дверью, я называла имя пансионера, сообщала о его особенностях, стучалась и заходила. Остальное делал Мертон. И такой подход обернулся позорным поражением, главным образом потому, что Мертон решительно не обращал внимания, что его допрашиваемые – больные люди. Еще точнее, знать-то он знал, но делал из этого обстоятельства самые неправильные выводы. Для Мертона это были существа с поврежденным рассудком и, следовательно, не заслуживающие уважительного отношения. Инспектор даже в их присутствии употреблял слово «лунатики», как если бы быть сумасшедшим означало быть еще и глухим. «А что нам расскажет этот лунатик?» – произносил он, не вынимая рук из карманов. Действительно, среди пансионеров попадались и глухие, как, например, лорд Альфред С., восьмидесятилетний старец, пользующийся слуховой трубкой и живущий во вре-

мена восстания сипаев⁵, абсолютно отрешенный от событий дня сегодняшнего. На вопрос Мертон о событиях прошедшей ночи лорд ответил красочной речью, стиль которой был мне знаком еще по работе с другими подобными больными: «Вы, если не ошибаюсь, майор Бриггс из Четвертой бригады? Если же это не так, у вас, мой друг, имеется брат-близнец в Индии... Я бы на вашем месте раскопал эту семейную историю». Я не стану описывать взгляд, которым Мертон испепелил джентльмена из-под полей фетровой шляпы.

А еще у нас был мистер Конрад Х., старичок в здравом уме, но одержимый мыслями о шпионах и тайном надзоре; мистер Конрад на каждый заданный ему вопрос отвечал двумя-тремя своими – эти яростные наскоки напоминали игру взбесившегося теннисиста: «Почему вы хотите это знать? Могу я взглянуть на ваши документы? Как, вы сказали, вас зовут?»

Что же касается сэра Лесли А... Ну что вам рассказать о сэре Лесли? Он молод, одевается в яркие театральные цвета, а блеск в его глазах как будто отражает бесчисленные *скандальные* ночи Ист-Энда⁶: сияние свечей, аромат множества женщин, дым опийных трубок, спектакли в *запретных* театрах. Сюзи успела мне нашептать, что заболевание Лесли та-

---

⁵ *Sipahi* – наемные солдаты в колониальной Индии. Восстание индийских солдат против колонизаторов-англичан проходило в 1857–1859 годах и было жестоко подавлено.

⁶ *Ист-Энд* – восточная часть Лондона, антипод фешенебельного Вест-Энда.

кого рода, о котором никто в Кларендон-Хаусе не рассказал бы даже Мертону, – то было следствие особого образа жизни. Единственное, что, по-видимому, спасало очаровательную Джейн Уимпол от приставаний Лесли, когда она заходила к нему в комнату по долгу службы, это – как насплетничала мне все та же Сьюзи – симпатия сэра Лесли к более пышнотелым особам, вот почему ни старшая сестра Брэддок, ни Гетти Уолтерс не появлялись у него ни при каких обстоятельствах.

Если же оставить в стороне столь неотвязчивую особенность, сэр Лесли, казалось, пребывал в постоянной полудреме, покачиваясь в огромной ванне с шампанским.

– Ах, полиция, полиция!.. – обрадовался он при виде Мертон. – Проходите, проходите, ах, полиция, благословенная полиция. Полиция, моя сладкая подруга... Нет, я не посещал ничего подпольного...

Мертон провел кратчайший допрос – безрезультатно – и покинул комнату Лесли чуть ли не бегом. Комментарии, которыми он обменялся со своим подчиненным, не стесняясь моего присутствия, вогнали меня в краску. Действительно, сэр Лесли кое-кому может показаться отвратительным, но кто мы такие, чтобы судить? Мне не понравилась уверенность Мертон в собственном превосходстве, приправленная оскорбительными словечками, вроде «похотливый» и «свинья».

Нам оставалась последняя дверь.

Не спрашивайте, почему я так поступила. Я сама не уверена в ответе.

Быть может, потому, что это был мой пансионер и мне заранее становилось неловко от мысли, что Мертон охарактеризует его теми же словами, а то еще и похлеще. Инспектор, с руками в карманах плаща и в шляпе, до сих пор нагнутой на его гигантские уши, пожираемый собственными усами, которые, казалось, его истязают, представлялся мне таким же холодным и бесчеловечным, как тюрьма. Мистер Икс тоже мог быть холодным и бесчеловечным, однако его обостренная восприимчивость вызывала у меня сострадание.

Я преградила полицейским дорогу и заговорила, не поднимая глаз:

– Прошу прощения, господа, но наш последний пансионер будет для вас совершенно бесполезен. Он живет в вечном полумраке, за закрытыми шторами и не покидает своего кресла... У него ничего нет, даже имени... Его называют «мистер Икс»... Уверяю вас: он ничего не видел...

И тогда Мертон сделал такое, что я не могу вспоминать без трепета.

Он приблизился ко мне вплотную, такой низкорослый:

– Мисс...

– Мак-Кари, сэр, – пробормотала я, сдерживая слезы.

– Мисс Мак-Кари, здесь решаем мы. А теперь откройте эту чертову дверь и отойдите в сторону, как и положено жен-

щине. И медицинской сестре.

– Да, сэр. – И, уже взявшись за ручку, я предупредила: – В комнате темно, шторы задернуты, и вы его не увидите, потому что он сидит в кресле...

Я открыла дверь.

Комната была освещена несколькими лампами. Шторы были раздвинуты. А мистер Икс стоял перед окном.

7

Никто из нас не шевелился. Мистер Икс, не оборачиваясь, заговорил:

– Добрый вечер, мисс Мак-Кари, я вижу, вы привели гостей. Добрый вечер, господа. Сожалею, что стесненность моего жилья мешает принять вас достойным образом.

Мы с полицейскими все еще стояли на пороге.

– Что это? – спросил Мертон.

– Его зовут «мистер Икс», – повторила я. – Он... особенный.

Когда мы вошли и я закрыла дверь, мистер Икс уже вернулся в свое кресло. Мертон осторожно шагнул вперед, как будто не зная, что ожидает его в конце пути. Однако, когда он приблизился к креслу и увидел, с кем имеет дело, лицо его расслабилось. Это выражение, которое я столько раз наблюдала на лицах посетителей приюта при взгляде на душевнобольного, чей ненормальный облик тотчас одарял вхо-

дящих чувством превосходства (как будто «нормальность» – это особая медаль, а не игра случая), вызывало у меня подлинное отвращение. За это я еще больше возненавидела Мертона.

– Итак... «особенный». Ну что же, по крайней мере глаза у него точно «особенные»...

– В левом у него кровоизлияние, сэр, – объяснила я, раздраженная еще больше, чем левый глаз.

– Говорите, только когда вас спросят, мисс.

Я прикусила губу, однако авторитет власти действовал на меня безоговорочно.

– С кровоизлиянием или без, по размеру второго глаза я заключаю, что видели вы немало. – Мертон взглянул на своего помощника, тот улыбнулся вместо него. – Но...

– Всегда найдется «но», – с удовольствием поддержал Джеймсон.

– Но то, что можно *увидеть*, не есть то, что *было увидено*. И не то, что осталось в памяти.

– Это истинно больше, чем сама жизнь, – подтвердил сержант.

– Итак, мистер «особенный»... – Мертон выгнулся рядом с креслом, а мне показалось, что и Джеймсон, стоящий позади с книжечкой в руках, повторил движение начальника на свой лад. – Мы хотим знать, видели вы или слышали что-нибудь необычное прошлой ночью.

– Нет, господин инспектор, – сразу же отозвался голос из

кресла. — Я не видел и не слышал ничего необычного между полуночью и пятью часами утра.

— Между... — Мертон нахмурился. — Откуда вам известно, что именно в эти часы...

— Мне это не было известно, инспектор, зато теперь известно, большое спасибо. Я думал, что случившееся с несчастным мистером Хатчинсом явилось следствием еще одной драки, как и в двух предыдущих случаях.

— В каких еще двух? Была только смерть Эдвина Ноггса...

— Вот как. Значит, смерть Эдвина Ноггса и смерть Хатчинса связаны между собой.

— Откуда вы это...

— Я не знал, я лишь подозревал, зато теперь знаю, большое спасибо. Я предположил, что эти дела связаны, поскольку если Скотленд-Ярд появился здесь из-за бродяги, то, следовательно, на его теле обнаружили те же четыре раны, что и на теле другого...

— Какие четыре раны?..

— Значит, три: две на животе, одна на шее.

— Минуточку, откуда вам...

— Мне не было известно, зато теперь известно, большое спасибо, инспектор; вы очень грамотно спросили все свои ответы. А сейчас, если хотите, можете идти, только умоляю вас не шуметь под дверью.

Мистер Икс говорил так быстро, что мне вспомнились престижистаторы, выступающие в театрах. Мертон стал по-

хож на человека, который беззаботно вышагивал по улице, пока вдруг не заподозрил, что за ним следят.

– Кто вы такой, сэр? – спросил Мертон, пунцовый от ярости, и наконец-то показал свои руки (маленькие и нелепые), сжатые в кулаки.

– У мистера Икс нет имени, – сказала я. – Его семья...

– Вы уже во второй раз вмешиваетесь, дуреха! – Мертон всем телом повернулся в мою сторону, его худое лицо сделалось совершенно багровым, усы вздыбились так, словно он хотел забросать меня колючими дротиками. – Заткнитесь сию минуту!

Я уже хотела попросить у инспектора прощения, но в этот миг снова прозвучал голос из кресла:

– Пожалуйста, инспектор, не думайте, что мисс Мак-Кари похожа на тех актрисок и актеришек с арен Ист-Энда, которые вы так часто посещаете, на детей и девочек, дерущихся в фальшивых боях, основная завлекательность которых – это минимум одежды на участниках, а публика вольна оскорблять их в свое удовольствие...

– Откуда вам?.. – Мертон побледнел, глаза его забежали.

А голосок из кресла невозмутимо продолжал:

– Вполне объяснимо, почему подпольные спектакли уже много лет являются вашей единственной формой досуга, отсюда и сложности в вашей семейной жизни, однако я уверен, что проблема, от которой вы, по вашему мнению, страдаете, коренится скорее у вас в голове и в страхе подцепить заразу,

а вовсе не в отсутствии мужской силы. Думаю, по этой же причине вы не вынимаете рук из карманов. Вышеизложенное позволяет мне дать вам два совета: поговорите с вашей досточтимой супругой касательно восстановления ваших отношений и проявляйте как можно больше уважения к мисс Мак-Кари, моей персональной медсестре. Всего хорошего.

8

Я до сих пор помню эту тишину.

Мистер Икс создавал подобные моменты тишины — как паук, плетущий паутину, создает тончайшие, но смертоносные ковры.

И Мертон. Если бы человек был способен оплыть, как свечка, то именно Мертон всегда служил бы мне примером для такого сравнения.

Я никогда прежде не видела, чтобы человек так менялся, так разрушался на глазах. Вся скальная прочность этого маленького мужчины с шипастыми усами теперь превратилась в глину, ожидавшую новой формовки. Даже усы его склонились вниз, — возможно, Мертон черпал свою силу из крепкого сочленения челюстей, а сейчас рот его соскочил с петель, над нижней челюстью зияла пустота и от его непреклонного облика остались лишь смутные воспоминания. Но больше всего переменились его глаза, две точки из азбуки Морзе, — казалось, они в один миг проглядели в обратном направле-

нии всю жизнь своего хозяина. Вот что я имею в виду: теперь взгляд Мертона напоминал мне взгляд ребенка перед суровым отцом или перед друзьями-зубоскалами. В его веках собирались нерешительные слезы. Инспектор даже не обратил внимания на вопрос сержанта Джеймсона, когда тот – быть может, чувствуя себя неудобно в отсутствии «но» – уточнил:

– Инспектор, мне это записывать?

Мне пришлось подойти к Мертону, поскольку я опасалась худшего.

– Пожалуйста, не плачьте над ковром, – шепнула я.

Мертон посмотрел на меня безжизненным взглядом и направился к двери. Я видела, как инспектор колеблется, прежде чем прикоснуться к дверной ручке своей чистой ухоженной рукой, но то, что оставалось у него за спиной, страшило его явно больше, чем опасность подцепить заразу. Когда он вышел, Джеймсон последовал за ним не сразу, точно раздумывая, имеет ли смысл ему оставаться здесь в одиночку.

Я понимала, какой ужас испытывает сейчас Мертон. Взгляд мой был прикован к неподвижной фигуре в кресле. Мистер Икс на меня не смотрел, его разноцветные глаза были устремлены на окно, за которым угасал закат над морем.

– Все, что вы сказали... это правда?

– Снаряд, заряженный правдой. Остальное – обыкновенный свинец, но я угодил в самую точку.

– Как вам... как вам удалось?

– Сейчас у меня нет времени, чтобы объяснять вам очевидное. Сейчас мне срочно требуется, чтобы вы ответили на один мой вопрос: вы подарите мне свое абсолютное *доверие*? Отвечайте.

Я превратилась в ледышку, но не из-за прозвучавшего вопроса.

Дело в том, что этот невозмутимый человек впервые выглядел взволнованным.

ПРОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЯ

АРЕНА САУТ-ПАРЕЙД

(На выходе из зала эту программку следует вернуть)

Маленькие
ангелы сражаются ради
удовольствия публики!

Кевин падает, Пол поднимается, Питер
делает кульбит, Дэн демонстрирует свои
увертки!.. У нашего действа имеется своя мораль:
дети день за днем сражаются за еду, за кров над
головой или за что-то столь неуловимое, как дружба!..

Ах, как сладостно наблюдать отроческие тела,
переплетенные в чудесных, блистательным образом
мизансценированных схватках! Эти дети не сдаются,
до тех пор пока не падет соперник или же вы,
наш высокочтимый зритель, наконец не захлопаете
в ладоши, не попросите о передышке! Гении красоты,
купидоны без луков, но со стрелами, которые
вселяют любовь на расстоянии! Сегодня ночью:

ПОЛ... Пол Томпсон, шатен,
двенадцать лет.

ПИТЕР... Питер Доркан,
блондин, тринадцать лет.

КЕВИН... Кевин Кэллоуэй,
рыжий, двенадцать лет.

ДЭН... Дэнни Уотерс,
блондин, двенадцать лет.

Только на арене Саут-Парейд. с часу до трех ночи!

Доверие

1

В комнате горели три лампы: одна на столике, одна у кровати и, как обычно, одна на каминной полке. Небо за окном тоже не окончательно потемнело. Более чем достаточно света, чтобы без помех изучить моего пансионера. Сидящего в своем кресле, прямого, в халате, пижаме и туфлях. Тонкие брови выгнуты дугой. Рот слегка приоткрыт.

Я смотрела на него так же, как, наверное, смотрели бы и вы, получив подобное предложение.

– Довериться вам?

– Вы уже слышали, так что, пожалуйста, отвечайте.

– Что вы собираетесь делать? – Мне было страшно.

– Если вы доверитесь мне, не будет необходимости отвечать на этот вопрос. И если не доверитесь – тоже.

Его большие двухцветные глаза были устремлены на меня, но я не видела в них никакого выражения. Мистер Икс был готов – так мне показалось – к любому ответу.

– Я не могу довериться вам так поспешно, как вы просите!

– Тогда, пожалуйста, немедленно выйдите из комнаты и предупредите, чтобы никто меня не беспокоил, включая инспектора Мертонна, если у него вдруг появится желание вер-

нуться, в чем я сомневаюсь, но не сбрасываю со счетов; в противном случае я угрожаю написать моей семье письмо с жалобами – так и передайте доктору Понсонби, а теперь уходите.

Его презрение и безразличие задели меня так сильно, что я развернулась и пошла к двери. Но передумала. После такой просьбы я не могла оставлять его одного.

– Да вы первый должны мне довериться! – заявила я, возвращаясь к креслу. – Если то, что вы задумали, вообще может быть приемлемо, я буду на вашей стороне! Если нет – я еще подумаю, что мне делать! Но не требуйте, чтобы я подарила вам то, чего вы, как мне кажется, дать не в силах!

Я выдержала его красно-голубой взгляд. Его тонкие губы скривились.

– Я защитил вас от полицейских – это вам кажется недостаточным знаком доверия?

– Никто не просил вас за меня вступаться! Я ваша медсестра, а не подруга! И я буду доверять вам настолько, насколько вы сами мне позволите!

Я нащупывала почву для каждого нового шага.

– Вы...

– Я упряма, это уж точно... Но я не уйду, пока вы...

– Так откройте же окно.

– ...пока вы мне не докажете... Что вы сказали?

Нетерпение заставляло его говорить еще быстрее (если такое возможно).

– Мисс Мак-Кари, вы желаете получить доверие за доверие, я уже принял ваше условие, а теперь как можно скорее откройте окно, не забывая о нашем общем друге, Шпингалете-убийце.

Я признала, что правила его справедливы, и, как ни странно, он просит меня о том самом, чего я напрасно от него добивалась с момента прибытия в Кларендон.

Открыть проклятое окно.

Я повернулась к пыльным прямоугольникам, за которыми мерцала темная синева. Я уже знала, как обращаться с этим кошмарным шпингалетом.

– Ну а теперь... – произнесла я, обдуваемая вечерним бризом.

И замерла перед окном.

Клянусь вам, будь у меня слабое сердце, эта история никогда не была бы написана.

Снаружи, из воздуха, поднялись две руки и ухватились за подоконник.

2

На всякий случай должна сказать – если вдруг я до сей поры изображала себя каким-то другим человеком, – что мир всегда представал для меня будничным, хотя и не слишком счастливым местом: работа (много), отдых (мало), долгие дороги, терпение, бюрократия, маленькие радости, огромные

печали и чуть-чуть мечтаний (всегда связанных с солнцем: его отсутствие, восход и заход неизменно навевали на меня мечтательность). Не думаю, что покажусь тщеславной, если предположу, что мир выглядит таким же и для большинства других людей. До той самой минуты все необыкновенное я получала в театрах, а редкие исключения – бабочка, которая, гляди-ка, уселась прямо на руку мне, девчушке; старушка, которая поблагодарила меня за заботу, уже находясь на пороге смерти; первый поцелуй Роберта Милгрю – были мимолетны и неповторимы. Однако мир мистера Икс, ясное дело, выглядел совсем иначе. Не только иначе, чем мой, – иначе, чем мир любого другого человека. За несколько часов нашего знакомства он уже узнал все мои тайны; еще один день – и его тайны начали открываться мне.

Я стояла неподвижно, растерянно глядя, как они проникают внутрь.

Ни один из них не мешал другим. Они ловко карабкались по стене и спрыгивали на пол поочередно – так обычные люди вежливо проходят в дверь. Потом все они замерли, глядя на нас широко открытыми глазами, только моргая время от времени.

Полагаю, все мы их когда-нибудь видели и в то же время мы их никогда не видим. Детей, над которыми жизнь измывается со всей жестокостью, которых полно и в Портсмуте, и на лондонских улицах, – оборванных, грязных, с тревожными цепкими взглядами. Прохожие обычно не поворачи-

вают головы, когда они проносятся шумными стаями, зато жадно глазают на них в театрах – официальных или *подпольных*. Они – как будто вымышленные существа с точки зрения тех членов общества, которые считают, что настоящий ребенок носит матросский костюмчик и играет с палочкой и обручем под бдительным присмотром воспитательницы. Со мной всегда происходит обратное: стоит мне увидеть уличного мальчишку, как сотни здоровых, хорошо одетых деток тают, точно сахар на Сахарном Человеке.

Передо мной стояло три удивительных экземпляра. Самому низенькому не могло быть больше десяти лет, он был как обезьянка с веснушчатой закопченной мордочкой, со спутанной рыжей шевелюрой. Рядом с ним стоял самый высокий, с соломенными волосами, – он олицетворял собой саму покорность судьбе и спокойствие (каковых недоставало первому), глаза его были полуприкрыты, а на печаль он, вероятно, получил патент. Третий, светловолосый и грязный, был самый пригожий из всех, и ни слезы (он трогательно и молча плакал), ни приставшая грязь, ни царапины на руках и ногах (они подсказали мне, что мальчуган зарабатывает на жизнь на какой-нибудь из арен, быть может на Саут-Парейд) не портили его красоты.

Поначалу больше ничего не происходило. Они смотрели на меня, я на них, и сейчас мне трудно оценить, кто из нас был больше изумлен и перепуган. Шесть худеньких ног с шестью маленькими заскорузлыми ступнями перед крохотным

диктатором в кресле. Он-то и нарушил повисшую тишину:

– Не замирайте перед окном, я вам уже говорил, передвигайтесь к кровати. Вас не должно быть видно снаружи. Будьте так любезны, мисс Мак-Кари, погасите все лампы, кроме одной, и приставьте к двери стул, спасибо.

Я повиновалась без пререканий, хотя и четко сознавала, что таким образом превращаюсь в соучастницу не поймешь чего, задуманного моим пансионером, но действовать как-то иначе мне в голову не пришло.

Мистер Икс как будто прочитал мои мысли. Он тут же добавил:

– Мисс Мак-Кари, вам не о чем беспокоиться, позже я объясню, чем вызвано присутствие здесь трех моих друзей, однако сейчас позвольте мне еще немного попользоваться вашим великодушием и коротко их представить: этот рыжий непоседа носит прозвище Муха, он слишком много жужжит и болтает без остановки. – (Такая характеристика повеселила и Муху, и его высокого сотоварища, который улыбнулся и пихнул малыша локтем в бок.) – Его друга я именую Паутина, потому что он умеет замирать в неподвижности и воспринимает даже мельчайшие детали. У третьего тоже имеется прозвище, но я предпочитаю называть его по имени, Дэнни Уотерс; а что касается медицинской сестры Мак-Кари, мы можем ей полностью доверять.

Щербатые улыбки, которыми наградили меня мальчишки, разжалобили бы и царя Ирода. Я попыталась ответить им

улыбкой «абсолютного доверия», однако сама я ничего подобного не испытывала. Присутствие этих шалопаев выходило за рамки всех правил Кларендона, а если их обнаружат, я незамедлительно лишусь своей работы.

– Выкладывай, Муха, что там у тебя? – распорядился мистер Икс.

Рыжий как будто всю жизнь дожидался этой великой минуты:

– На пляже нашли еще одного мертвеца, сэр! Он был не дурак выпить! Его звали Хатчос, Зайка его знал!

– Хатчинс, – серьезно поправил Паутина.

Третий мальчик опустил голову, и плач его превратился в душераздирающие рыдания. Его красивое лицо сделалось пунцовым, на лбу проступили морщины. Дэнни обхватил себя руками, словно опасаясь, что его, как пушинку, унесет порывом ветра.

– Зайка очень любил Хатчоса! – добавил Муха весело, но без злорадства: для этих несчастных ангелов боль потери является всего лишь очередным событием их каждодневной жизни.

Несмотря на это, все хранили молчание, дожидаясь, когда окончится этот плач, вобравший в себя всю скорбь мира. Потом мистер Икс произнес:

– Ну ладно, это смешно.

От возмущения я онемела. Я подошла к детям – они тотчас отступили, у них давно выработалась привычка держать-

ся на расстоянии от любого взрослого. Но бедняжка Дэнни все-таки принял мои объятия из-за завесы слез. Я обвила его руками и почувствовала, как содрогается тренированное тело, – как будто я прижимала к себе не балаганного бойца, а существо гораздо более слабое.

Не отпуская мальчика от себя, я метнула укоризненный взгляд на мистера Икс:

– Неужели вы лишены даже малой толики человечности?

Ответа не последовало.

– Хочешь водички? – спросила я у Дэнни, расчесывая липкие пряди на его красивой голове. – Пойдем, я дам тебе стакан воды... А может быть, и что-нибудь поесть.

Поднос с остатками ужина стоял рядом с камином: полицейские допросы помешали служанкам убрать его. Сильно упрашивать мне не пришлось, к еде подступили все трое. Я наполняла стакан несколько раз, потому что, после того как Дэнни жадно выпил два стакана, Муха и Паутина последовали его примеру; не пощадили они и остатки чая, и остатки еды: мальчики хрустели костями, заглатывали овощи и вылизывали тарелки. Незабываемое зрелище.

Мне стало еще печальнее, когда после двух стаканов воды Дэнни почти не притронулся к пище.

– Зайка мечтает стать актером, и Хатч его в этом поддерживал, – пояснил Муха с набитым ртом.

– Хатчинс говорил, что у Зайки хорошая речь, пока он не начинает думать, что говорит плохо, – добавил Паутина.

– И это правда! Скажи что-нибудь, Зайка!

Мальчик глядел в пол. Муха понизил голос:

– Сейчас он выступает только на аренах, но хочет стать всамделишным актером...

– Мне очень жаль, Дэнни, – неожиданно произнес мистер Икс бесцветным голосом и тотчас заговорил о другом: – Вы должны рассказать мне больше, если хотите получить вознаграждение, ведь вы, как я полагаю, успели увидеть труп, прежде чем полицейские его увезли.

– Да-да-да, сэр... хрум... хряп... Он пролежал там почти все утро! – Муха расправлялся с куском морковки.

– Паутина, сколько на нем было больших ран?

– Три, сэр, – ответил он уверенно, как настоящий ученый. – Две в брюхе, одна на глотке.

– Действительно, точно как Ноггс, – заметил мистер Икс.

– Да, сэр, более-менее... С одним... различием.

Поскольку это уточнение вновь погрузило Дэнни в скорбную пучину слез, я решила вмешаться, подкрепив свою позицию техническими данными:

– Но люди говорят, что в случае Ноггса это была пьяная драка с Сахарным Человеком...

– Ах, мисс Мак-Кари, – мягко прервал меня мистер Икс, – правда никогда не бывает демократичной, она не зависит от количества людей, которые в нее верят, – скорее даже наоборот: правда обычно открывает себя внимательному, особенному меньшинству, поэтому политика – это изначально

абсолютное поражение. Предлагаю познакомить мисс Мак-Кари с удивительными подробностями обоих преступлений. Муха...

– Я готова обойтись без этой удивительной истории, – предупредила я.

Но в этом мире для Мухи, такого же назойливого, как и давнее ему прозвище насекомое, казалось, не существовало ничего более привлекательного, чем пересказывание страшилок. С помощью вопросов мистера Икс и подробностей, которые добавлял Паутина, рыжий развернул пугающую историю. Не думаю, что когда-нибудь ее позабуду, посему привожу ее здесь ровно так, как услышала тогда.

Неделю назад рыбаки, направлявшиеся на причал Саут-Парейд, обнаружили на пляже возле Восточных барачных воров одежды. Когда рыбаки попинали одежду ногами, их взорам открылись остекленевшие глаза и рот, набитый песком. На животе обнаружили два вертикальных разреза, которые сами по себе, возможно, и не привели бы к немедленной смерти. Но этому человеку еще и перерезали горло. Убитым оказался Эдвин Ноггс, и все сразу вспомнили его пьяные стычки с бывшим другом, Гарри Хискоком, ранее судимым, который часто кричал, что Ноггс разболтал в «Милосердии» о его уголовном прошлом, чтобы лишить ролей в представлениях. В последнее время Хискок работал Сахарным Человеком, ходил по улицам голышом, обмазанный с ног до головы. Хискока арестовали уже через несколько ча-

сов. Полицейские приняли самую очевидную версию: в последней потасовке Гарри зашел слишком далеко.

Однако ровно через неделю огромное тело Элмера Хатчинса рухнуло наземь, а вместе с ним – и эта шаткая гипотеза. Дело в том, что у Хатчинса тоже обнаружили две вертикальные раны на животе и перерезанное горло. И даже если бы этого совпадения оказалось недостаточно для вмешательства Скотленд-Ярда, прочие сопутствующие детали (те самые, о которых не смогла рассказать бедняжка Гетти) с лихвой дополнили картину.

Потому что (это ужасно, предупреждаю возможных читательниц и робких духом читателей, но я записываю все так, как слышала из уст этих детей) из мистера Хатчинса через разрезы на животе извлекли некоторые внутренние органы, вытянули и завязали вокруг горла наподобие тугой веревки, хотя и неизвестно – до или после перерезания глотки; неизвестен также и мотив убийцы, проявившего такую жестокость. Это безмерное озлобление свидетельствовало о деянии вне всякой логики, сострадания и даже выходило за рамки человеческих чувств.

И конечно же, это безжалостное описание заставило Дэнни Уотерса вновь дать волю своей великой скорби. На сей раз мальчик выразил ее словами, растянутыми в силу дефекта речи, за который он и получил свое прозвище.

– Ми-ми-стер Хат-хатчинс был хоро-оо-ший!..

– Дэнни, тебе не нужен мистер Хатчинс, чтобы сделаться

тем, кем ты хочешь, – сказал мистер Икс.

– Да, чтобы стать актером! – завопил Муха. – Да, да! Зайка хочет стать взаправдашным актером, а выступает только на аренах! – Рыжий задергался, копируя подпольные схватки. – Голяком!

– Заткнись уже, – серьезно и веско высказался Паутина. Дэнни только опустил глаза.

Я даже вообразить себе не могла жизнь этого ребенка в мире подпольных представлений: как может он выступать борцом на маленьких аренах – обнаженным, или переряженным в девочку (это если повезет), или в каком-нибудь еще из бесчисленных обличей, в которых театр использует беззащитных детей. Я мысленно видела Дэнни на маленькой сцене (такой же маленькой, как и он сам), в полумраке, окрашенном в специальные театральные цвета, окутанного дымом, оглушенного выкриками зрителей. Но все мои болезненные фантазии натолкнулись на ледяную стену, каковую представлял собой мистер Икс.

– Не будем отклоняться от темы, времени крайне мало. Скажите, оружие убийства в этот раз обнаружили?

– Да, сэр, да! – выскочил Муха. – Фараон нашел, как раз когда мы подходили! Вот такенный нож!.. Нет, такенный!

Судя по жестам Мухи – и по его воодушевлению, – оружие, скорее, являлось саблей, однако мистер Икс не стал задерживаться на этой детали.

– На каком расстоянии от тела, подсчитайте.

Разгорелся небольшой спор, в первую очередь из-за того, что никто из мальчиков не мог объясниться с помощью чисел, все трое только подбирали примеры. В конце концов они пришли к единому мнению.

– Как от нас до этого кувшина! – объявил Муха.

– Не думаю, что доктору Понсонби понравилось бы, что его вазы именуют кувшинами, хотя это всего-навсего имитация китайского фарфора, но, скажем так, на расстоянии примерно восьми шагов, что превращает обыкновенный вопрос в загадку: почему убийца оставляет оружие поблизости от тел?

Однако не все еще было сказано. Муха выпалил последнюю новость:

– Один человек все это видел! Его фамилия Детель! Так говорили фараоны!

– С-спенсер, – поправил Дэнни, вытирая сопли.

– Идиот, его фамилия Спенсер, – подтвердил Паутина. – Фараоны говорили, что он – «свидетель».

Эта новость наконец-то произвела впечатление на моего невозмутимого пансионера. Какое-то время он сидел неподвижно, его разноцветные глаза смотрели в пустоту.

– Так, и что же делал этот мистер Спенсер, кем бы он ни был, в такое время на пляже – кто-нибудь знает? – (Три пары маленьких плеч поднялись и опустились почти одновременно.) – А нравится ли вам маленькое хрустящее печенье «Мерривезер» из кондитерской на Грин-стрит?

Этот вопрос вызвал бурю эмоций. Кому же они не нравятся? – подумала я. Печенье «Мерривезер» – достопримечательность нашего города. Когда-то это была скромная кондитерская (в моем детстве она уже работала), а теперь «Мерривезер» продает свои изделия даже в Лондоне. Матушка моя обожала эти печенюшки. Они – точно большие монеты из меда и муки. Мистер Икс поднял вверх маленькие ручки, останавливая всеобщее ликование.

– На следующий день вы получите хрустящее печенье «Мерривезер» в коробках. Две, нет, даже три коробки, – поправился мой пансионер при взгляде на Муху или, возможно, просто так, – помимо обычного вознаграждения, если добудете хоть какую-то информацию об этом мистере Спенсере: что он делал на пляже, что видел. У вас есть связи, так используйте их. А теперь забирайте свое и выметайтесь.

Детям два раза повторять не пришлось: они кинулись к комоду, действуя слаженно и молчаливо. Подхватили большую вазу и опрокинули над кроватью. Высыпавшиеся монетки и печенюшки (печенье подавалось к вечернему чаю, и до этой минуты я была уверена, что мой пансионер до них страстный охотник) исчезли в мгновение ока. Потом мальчики подбежали к окну, и мое предупреждение об осторожности было услышано только дрожащими шторами и трясущимися ветвями деревьев.

– Они ловки и осторожны, они умеют о себе позаботиться, – пояснил мистер Икс, пока я безуспешно пыталась раз-

глядеть их в темном парке. – Для таких дел нет никого лучше, чем уличные мальчишки.

– Но как вам удалось... и почему?..

Я закрыла окно и задернула шторы; мне до сих пор казалось невероятным, что никто не обнаружил этих сорванцов.

– Услуги юного Джимми Пиггота – выше всяких похвал, – отозвался мистер Икс, – и не только в том, что касается доставки и отправки корреспонденции. Молодой человек хочет жениться, а потому принимает мзду. Добавлю, что в этом деле сыграла важную роль и ваша предшественница мисс Гарфилд, – она, как и вы, упорно стремилась открыть это проклятое окно. Однажды вечером я услышал, как эти оборвыши играют на пляже, вызвал к себе Джимми, попросил юношу переговорить с ними, используя как приманку несколько пенсов и сладости: их получают в порядке поступления первые трое, которым удастся залезть в мою комнату. Вот так я свел знакомство и окрестил Муху и Паутину, а третьим стал Дэнни Уотерс.

– Но сегодня вы их ждали... Как вы узнали, что они придут?

– Мы установили простые правила, – скучающим тоном ответил мистер Икс. – Я раздвигаю шторы и зажигаю лампы – они могут подниматься. Они кидают мне в окно камешек, указывая точный момент, когда начнут карабкаться, и тогда я открываю окно и приставляю стул к подоконнику. Сегодня они бросили камень ровно в ту секунду, когда я услышал го-

лоса полицейских в коридоре. Я встал возле окна, чтобы меня было хорошо видно, и сделал мальчикам знак подождать. Они сидели, притаившись среди ветвей. Вот почему я так торопился поскорее спровадить нашего друга Мертона и наконец-то открыть окно.

Теперь я понимала, какого рода «голоса» слышались Бетти Гарфилд, моей предшественнице, в комнате мистера Икс. То были тайные визиты маленьких бродяжек!

– Но какая информация нужна вам от этих мальчиков?

– Уличные дети – это в первую очередь глаза и уши. Никто лучше их не исследует подробности убийства, прежде чем полицейские увезут труп.

Что-то в его объяснении не соответствовало логике. Я собирала посуду после ужина и старалась стереть все следы ночных посетителей, а потом резко выпрямилась и встала перед моим пансионером, скрестив руки на груди:

– Но ведь... Эдвина Ноггса убили неделю назад, а Хатчинса нашли лишь сегодня. Вы сказали, что познакомились с мальчиками *месяц* назад... Как же вы могли предвидеть совершение этих... убийств?

– Предвидеть ходы – это единственный способ добиться победы, мисс Мак-Кари. – (Эта фраза неожиданно заставила меня вспомнить слова миссис Мюррей: «Он как будто чего-то дожидается».) – А теперь вы мне позволите, если я прошу не слишком многого, отдаться капризам моей скрипки? Не беспокойтесь ни о лаудануме, ни об укладке меня в

постель. Доброй ночи.

Я оставила моего пансионера разыгрывать свою нелепую пантомиму, но в чем-то я ему даже завидовала. В моей комнатенке меня не ждала никакая скрипка – ни настоящая, ни воображаемая, – только кошмар, пересказанный тремя оборванцами, и мысли о встрече с портсмутским убийцей, крадущимся в темноте под моими веками.

3

Я проснулась с абсурдным вопросом: это тайное появление детей мне приснилось? Нет. Они *действительно* забрались по стене, потом по дереву и влезли в комнату к моему пансионеру, и один из них плакал, и он был мальчик с *арены*.

До сих пор все абсурдное в моей работе приходилось только на долю пациентов. Мистер Икс перемешал абсурд с моей собственной жизнью. И от этого мне становилось тревожно.

Утро же, наоборот, вовсе не соответствовало моему внутреннему напряжению. Восходящее солнце одарило меня сияющим обещанием, которое вскоре исполнило на пляже, наделив воды драгоценным блеском. Когда я выглянула в окно на лестничной площадке, то увидела внизу такое оживление, какого не видела со времен моего отъезда из Портсмута. Такое лихорадочное возбуждение бывает только рядом с морем. Помимо обычных посетителей пляжа – дамы в длинных юбках, с зонтиками от солнца прогуливались по берегу,

дети перекрикивались с чайками, молодые люди в соломенных шляпах слонялись без всякого дела, – на свежем воздухе развернулось маленькое представление. На том самом месте, где обнаружили труп Элмера Хатчинса (кажется, для полиции оно больше не представляло интереса), бродячие артисты разыгрывали *фарс об убийстве*. Я с удивлением отметила, что роль Хатчинса отвели толстой женщине, однако это мог быть и специальный костюм, набитый тряпьем. Другой исполнитель орудовал сверкающим ножом. Зрители аплодировали и бросали в шляпу монеты. А у самой воды крутили свои пируэты *акробаты*, точно сухопутные дельфины, под звуки барабанов и труб. В сосновой роще мне удалось разглядеть танцоров. Большие пароходы закрывали линию горизонта. А из окна в коридоре для пациентов я увидела на проспекте Кларенс *troupe*⁷ с трубами и кибиткой: там зывали на готическое представление в «Терренс-Холл», вот только название мне прочитать не удалось. По временам тут и там мелькали тени патрульных полицейских, что не давало трагедии окончательно стереться из памяти, однако весь Портсмут (как минимум весь Саутси) возвращался к всегдашней жизнерадостности и суматохе. Мне бы следовало тогда еще заподозрить, что веселиться осталось недолго.

В коридоре я натолкнулась на Сюзи – она как раз закончила обрабатывать язвы лорда Альфреда.

– Чудесный денек, Энни, вот... – бодро выпалила Сюзи.

---

⁷ Труппа (*фр.*).

Старшая медсестра Брэддок вышла из комнаты вечно подозрительного мистера Конрада Х. Характер у этой женщины был угрюмый, но я ставила на то, что и у нее есть сердце.

– Чудесный денек, мисс Брэддок, вот, – сказала я.

– Вас хочет видеть доктор, – сухо ответила она.

Было ясно, что веселиться осталось недолго.

4

Вот о чем я думала, тихонько стучась в дверь кабинета доктора Понсонби. *Дети. Их видели. Я уволена* – это тоже было ясно.

Понсонби принял меня не оборачиваясь, вчитываясь в какой-то фолиант. Иногда у меня создавалось впечатление, что он углубляется в чтение научной литературы, только когда мы входим в кабинет, чтобы надлежащим образом выглядеть в наших глазах. Но это было лишь мое впечатление. На столе в беспорядке были разбросаны другие книги. Некоторые из них, кажется, были посвящены ментальному театру – эта техника, несомненно, интересовала Понсонби.

И все-таки самое поразительное в этой комнате находилось не на столе, а возле окна: на стуле сидела миссис Мюррей с вязаньем в руках. Я знала, что эта женщина способна появиться в самых непредвиденных местах. Только что никого, и вот она тут как тут. Проживала миссис Мюррей в отдельном помещении рядом с сестринским туалетом на вто-

ром этаже, но ее нередко можно было встретить в кабинетах, на кухне, всегда неразлучную со своим рукоделием. Миссис Мюррей не привлекала внимания, она наблюдала.

Понсонби решил нас представить, но замялся.

– Мак-Кари, – напомнила я.

– Мы уже знакомы, Понсонби, – сообщила старушка.

Доктор не стал обращать на нее внимания и перешел прямо к делу:

– Я хотел вас видеть. Сегодня вечером придет тот самый офтальмолог.

– Это прекрасно, сэр.

Я, конечно, обрадовалась, но ждала продолжения: по лицу Понсонби было видно, что он приготовил для меня не только эту новость.

– Когда врач его осмотрит, я хочу, чтобы он передал отчет лично мне.

– Да, сэр.

– Ой... Скажите... – И доктор притворился, что снова углубился в чтение. – Вчера, когда полицейские допрашивали мистера Икс, случилось что-то необычное?

– Вообще-то... – Времени на раздумье было мало. Я не могу рассказать всего, но и скрыть всю правду тоже не могу. – Вы же знаете, что это за человек... Он начал... начал рассказывать истории об инспекторе.

Понсонби прищелкнул языком и бросил книгу на стол. В этот раз по-настоящему раздраженно.

– Невозможный человек! – бормотал доктор. – Инспектор спустился вниз с таким рассерженным видом... и... сразу же затребовал у меня все материалы об этом пансионере... У меня почти ничего нет, я, кажется, вам уже говорил. Ой, я не имею в виду совсем ничего, просто немного: в других пансионатах его тоже не обследовали, диагнозов не ставили. Инспектор пригрозил, что мы о нем еще услышим. Что мог ему наговорить этот невоспитанный тип?

Я была так потрясена переменой (пациент из «привилегированного» превратился в «невозможного» и «невоспитанного»), что в первую секунду не нашлась что ответить. Миссис Мюррей, казалось, следила за нами из последних старческих сил.

– Подробности личного характера, – пробормотала я.

– Пожалуйста, приведите какой-нибудь пример.

– Я... предпочла их не слушать, доктор.

Понсонби уставился на меня в упор, теперь я снова для него *существовала*.

– Ни в коем случае ему не подыгрывайте. Вам ясно?

– Понсонби, это не человек, а дьявол, я же тебе говорила, – прошамкала миссис Мюррей.

– Как бы то ни было, не потакайте его причудам. Оставьте его одного.

– Да, сэр.

Понсонби нахмурился, он пристально разглядывал свой письменный стол. И кривил губы – таким мне его уже дово-

дилось видеть.

— Это мне не нравится. — Понсонби выражался так категорично, что я даже посмотрела на стол. Но на столе ничего особенного не было; речь шла о нашем деле. Мысли сновали в моей голове, как спицы в руках у миссис Мюррей. — Я должен вам кое-что рассказать. Когда мистер Икс поступил в Кларендон, это было два месяца назад, директор его предыдущего, оксфордского пансиона прислал мне письмо. Ой, он сообщал, что больной... вмешался в ход полицейского расследования...

— Про это я ей уже рассказала, — напомнила миссис Мюррей особенным тоном: когда старики говорят о прошлом, они как будто пророчествуют.

— Я не говорю, что это обстоятельство представляется мне слишком серьезным, — продолжал Понсонби. — Он ведь душевнобольной и...

— Понсонби, этот человек вовсе не душевнобольной, — вклинилась миссис Мюррей.

Это наблюдение завело Понсонби в лабиринт его типичных оговорок.

— Ой, нет, конечно... и все же да... Здесь... здесь он душевнобольной, миссис Мюррей. Я только хотел довести до вашего сведения, мисс... — Доктор взмахнул рукой; тыльная сторона его ладони была вся волосатая. — Боюсь, что и здесь может повториться то же самое. Ой, я не хочу сказать, что будет в точности то же самое, однако может случиться нечто

подобное... У этого человека есть болезненная мания расследовать *преступления* за спиной у властей. Я не могу... Мы не можем допустить подобное в Кларендоне. Что бы он ни говорил, что бы ни предпринимал по поводу... немедленно сообщайте мне. Немедленно! – подчеркнул он. – Вся информация должна поступать ко мне.

– Да, доктор.

– И развлекайте его. Ой... то есть не позволяйте ему увлекаться своими нездоровыми идеями. Я выражался достаточно... ясно? – В вопросе его прозвучала нотка удивления, как будто «выражаться ясно» являлось для Понсонби целью, которой он почти никогда не мог достичь.

5

Меня особенно тревожило, что Понсонби прав.

Как случилось, что я, постигавшая профессию в местах, где душевнобольные считаются просто больными, которые нуждаются в уходе и сострадании, позволила себе увлечься миражами моего пациента? Я вернулась в его комнату и застала мистера Икс в полумраке, однако теперь он для разнообразия сидел перед столиком, абсолютно видимый; он не так давно покончил с полуденным чаем и в бисквитах себе тоже не отказал (мистер Икс был худенький, но рот набивал за троих).

Он заговорил, как только я вошла:

– Мисс Мак-Кари, Джимми уже принес коробки с печеньем?

– Добрый день, сэр, – осадил его я.

– Мы должны быть готовы к сегодняшнему визиту моих воровьев: они, несомненно, добудут важные сведения.

– Сегодня вас посмотрит глазной врач, – сказала я, направляясь к окну.

– Ну что ж, надеюсь, потом я смогу... нет, в таком случае шторы открывать не нужно.

– Никакого «потом» не будет. – Я одним рывком раздвинула шторы.

– Не делайте этого! – услышала я из-за спины. – Мои мальчики решат...

Мной завладела злость и одновременно с этим усталость. В окне за линией сосен я видела вспененное море, волны, свет, передвижные театрики. Там все бурлило.

– Одевайтесь, – распорядилась я.

– Прошу прощения?

Я обернулась к мужчине в халате и туфлях, который успел вернуться в свое кресло и сидел, положив руку на руку. На лице его отображалась нерешительность.

– Одевайтесь. Полагаю, вы понимаете, что это означает. Наши прародители начали так делать после грехопадения: брюки, рубашка, жилет, пиджак. Не забудьте про туфли. Шляпа вам не понадобится, но и запрещать ее я не стану. Даю вам десять минут. Я подожду снаружи.

Беспокойство мистера Икс не показалось мне преувеличенным: я уже приучилась распознавать некоторые из его почти неуловимых гримасок и могла бы поклясться, что мой пациент действительно нервничает.

– Но, мисс Мак-Кари, куда мы собираемся? Я никогда отсюда не выхожу!

Я остановилась на полпути к двери. На душе у меня было скверно.

– Вчера я вынесла все эти кровавые, ужасные подробности, которые вы велели пересказывать бедным детям в обмен на еду. Это были ваши причуды, мистер Икс, а сегодня вы будете терпеть мои причуды. Жду вас снаружи. Через десять минут вы выйдете одетый, а если нет – я расскажу обо всем, что здесь было, доктору Понсонби, пускай он даже меня уволит. Каким бы влиянием ни обладала ваша семья, вас, вероятно, изгонят из Кларендона, и, очень возможно, вы закончите свои дни в камере, обитой войлоком. На вашем месте я бы оделась. У вас осталось девять минут.

Я вышла и закрыла дверь.

Я желаю быть совершенно справедливой к мистеру Икс, поэтому скажу, что он сумел по крайней мере надеть брюки и рубашку и, когда я вошла, пытался застегнуть на ней пуговицы. Он снова задернул шторы и выглядел теперь как привидение под белой простыней. Я была непреклонна и снова их раздвинула.

– Превосходно, – возмутился мистер Икс. – Теперь моим

туалетом смогут полюбоваться все дамы, гуляющие по пляжу.

– Никого ваш туалет не интересует. – Я наблюдала, как его тонкие дрожащие пальцы продолжают борьбу с верхними пуговицами. – С каких пор вы не выходите на улицу, мистер Икс? А лучше сказать, существовало ли нечто подобное «улицам», когда вы выходили в последний раз, или же там были только леса и рыцари в доспехах?

– Приберегите свою иронию, если уж не желаете мне помочь.

Я скрепя сердце оказала ему помощь с жилетом и пиджаком, которым, как видно, очень уютно жилось в сумраке шкафа, и теперь они упорно не хотели работать одеждой. Не заботясь о натянутых отношениях между предметами гардероба и их хозяином, я затянула на его худенькой шее накрахмаленный воротничок, застегнула пиджак и наклонилась, чтобы обуть его в ботинки с квадратными носами. Так взрослые одевают детей.

– Я же сказала, шляпа вам не нужна.

– Прошу вас, позвольте мне хотя бы этот каприз, – прошептал он.

Шляпа была смешная, с тирольским пером, она сидела у него на макушке, над высоченным лбом, словно одинокий напуганный альпинист на вершине снежной горы. А потом он потянулся за тростью с мраморным набалдашником.

– Ох, ради бога, вы думаете – мы в Букингемский дворец

собрались? Пойдемте уже наконец.

– Мягкосердечие не входит в число ваших, быть может и немногочисленных, но в целом достаточных, добродетелей, мисс Мак-Кари.

– Вы только сейчас это поняли? Не слишком-то вы проныцательны. Ну все, идемте.

Внезапно в мою руку вцепились пять холодных крючьев. До этой минуты он ни разу ко мне не прикасался. Я удивилась неожиданной крепости его руки.

– Пожалуйста, не оставляйте меня одного. – Теперь в его голосе звучало отчаяние.

Загадочный «колдун» из лечебных пансионатов лишился всех своих чар. Несчастные беззащитные душевнобольные! Я положила ему руку на плечо и мягко обнадежила:

– Не волнуйтесь, я с вами.

Так мы и вышли: он держит меня под руку, в другой руке трость, лицо бледное, широко раскрытые разноцветные глаза смотрят прямо перед собой. На лестнице нам встретилась Сюзи Тренч, она поднималась со стопкой простыней, похожих на снежные книги; оторвав взгляд от своей ноши, Сюзи изумилась:

– Куда собрались, мистер Икс?

– Пожалуйста, спросите об этом у мисс Мак-Кари.

– На прогулку, – отрезала я.

В холле я накинула на плечи шаль. Мистер Уидон, дававший наставления служанке, увидев нас, снял очки. Он

оказался настолько деликатен – или безразличен, – что ничего не сказал, однако наблюдал за прохождением мистера Икс, как будто к нам с неожиданным визитом нагрянул архиепископ Кентерберийский. Выйдя под свежий ветер и солнечный свет, я прикрыла глаза. Мы двигались в неустойчивом равновесии, обходя Кларендон-Хаус, и наконец вышли к пляжу. У меня возникло болезненное ощущение, что я выгуливаю любимого питомца.

6

Народу на пляже заметно поубавилось. Разумеется, никто не купался. И *фарс о преступлении* давно уже завершился. Солнце било нам в спины, а если оглянуться назад, чтобы увидеть крепость Саутси, пришлось бы складывать руку козырьком. Несколько девушек прогуливались, как и я, об руку с кавалерами, самые молоденькие *для приличия* надели вуали. А от причала Саут-Парейд до сих пор доносилась музыка: там выступали циркачи. Полы пиджака мистера Икс и моя шаль надулись, как паруса.

– Что за галиматья! – жаловался мой пансионер. – Сколько шума, сколько театра! Неужели никто не понимает, что существует и кое-что поважнее представлений? Все хотят смотреть на других, никто не смотрит в себя. И только послушайте эту музыку на причале! О Юпитер! Что за дикие крики при виде акробата, что за вопли! Боюсь, я не готов в

этом участвовать, право же, я хочу вернуться к себе в темноту и позабыть о мире.

– Мой брат любил повторять мне одно театральное изречение: «Не бойся того театра, что звучит как гром и сверкает как молния. Бойся театра темного и тихого».

– Чересчур поэтично, – расценил мистер Икс. – Почему ваш брат отказался от профессии актера?

Я не стала спрашивать, как он узнал, что Энди хотел стать актером.

– Ему не понравились подпольные представления, – коротко ответила я.

Прохожие останавливали взгляды на моем спутнике в первую очередь потому, что он гулял в сопровождении медсестры, однако внешность мистера Икс была не настолько поразительной, чтобы на него засматриваться, и встречные быстро теряли к нам интерес. С причала доносились крики и аплодисменты.

– Я не осуждаю вашего брата: все это наслаждение, этот шум и ярость... Лучше задаться вопросом, зачем нам все это нужно.

– Что же плохого в наслаждении?

– Ничего, – сухо ответил он. – Плохое – в *этом*.

Вдалеке бежала какая-то фигура, трудно было определить, мужчина это или женщина, но, насколько мне удалось различить, из одежды на ней был только песок. Быть может, где-то играли в *поиск сокровища* и спрятанного игрока об-

наружили. Какой стыд! Теперь ему придется прятаться в новом, заранее подготовленном месте – пока его опять не обнаружат. *Поиск* был любимым развлечением на пляжах еще со времен моего детства.

Несмотря на все жалобы мистера Икс, я чувствовала себя все лучше, хотя туфли мои и вязли в песке, а лицо обдувалось влажным прохладным ветром. Я любила море, как и мой отец. В эту минуту я подумала о Роберте, быть может по ассоциации с морем. Я не хотела думать о нем в такой мирный момент, но ничего не могла с собой поделать. Я размышляла, приедет ли Роберт навестить меня в Портсмут, как он обещал в своем последнем письме. Что мне делать, если он приедет? Вопросы накатывали на меня, как морские волны – настойчиво и без всякой цели, – и петляли, петляли, как несчастное голое *сокровище* без определенного пола, которому преграждали путь азартные купальщики. На узкой спине и кругленьком заде беглеца поблескивало солнце.

Когда обнаженная фигурка оторвалась от ловцов и скрылась из виду, мои раздумья прервал медоточивый голосок:

– Мы могли бы, по крайней мере... пойти в другое место – туда, где полицейские обнаружили труп Хатчинса?

Мистер Икс обращался ко мне почти умоляюще. Я посмотрела на моего спутника: одна рука придерживает тирольскую шляпу, другая до сих пор сжимает мой локоть, под мышкой трость.

– Пожалуйста, оставьте уже в покое все эти убийства и

трупы, – попросила я.

Мистер Икс рассердился. Он сразу отцепился от моей руки и застыл на месте. Когда я обернулась, он дрожал и обеими руками держался за трость, его шуплое тельце трепетало.

– Знаете что, мисс Мак-Кари? Вы делаете это, потому что вам меня жаль: «Выйдем наружу, пусть он посмотрит на мир, порадуетса солнцу, бедняжка». Но я не нуждаюсь в вашем сочувствии.

– Мне вас не жаль.

– И все-таки моя жизнь могла бы внушить вам мысль о милосердии. – Мистер Икс замолчал, как будто обдумывая следующую фразу; я была готова внимательно его выслушать. И тогда он добавил: – Почему он всегда оставляет нож на небольшом расстоянии от трупа? Это ведь...

Я вздохнула. Казалось, не существует никакого человеческого чувства или божественного пейзажа, ради которых он мог бы позабыть о своих нездоровых идеях.

Принаряженные дети, до этого гонявшиеся за голым игроком, с увлечением пачкали друг друга, кидаясь шариками из песка под негодующими взглядами нянь; пробежав мимо мистера Икс, они чуть не сбили его с ног. Я поспешила его поддержать.

– Вот они, опасности прогулок на свежем воздухе, – испуганно прошептал он.

– Почему ваша жизнь могла бы внушить мне мысль о милосердии?

– Потому что... Но обещайте, что мы вернемся, как только я вам объясню.

– Не могу обещать.

– Из чего у вас сделано сердце? Из камня?

– Из человеколюбия. Откуда вы родом?

– Мисс Мак-Кари, ответьте хотя бы на этот вопрос: так ли важны имена? Меня зовут Y, я родился в W, а умру в Z, и *роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет...*⁸

– Вы не могли бы хоть иногда отвечать на мои вопросы? – не выдержала я.

Мистер Икс, казалось, обдумывал такую возможность. Мы снова шли рядом, он стискивал мой локоть.

– Я происхожу из одного родовитейшего семейства, – заговорил он. – Я не преувеличиваю: их решения имеют вес в политике этой страны, однако по той же самой причине они не могли позволить себе такого ребенка, как я, который в возрасте одного года уже говорил на трех языках: французскому и немецкому я выучился у моих кормилиц, потом, конечно, я позабыл эти языки. А лучше сказать, я их отложил. Оба они при мне, если мне понадобится ими воспользоваться, однако свободное место следует оставлять для самого важного. То же произошло и с прочими глупостями: географией, историей, геометрией, алгеброй... Они представ-

---

⁸ Мистер Икс цитирует Шекспира («Ромео и Джульетта», акт II, сцена 2, перевод Б. Пастернака). Выше он говорил о «шуме и ярости» – это тоже шекспировская цитата («Макбет», акт V, сцена 2).

ляются мне скучным знанием, поскольку умелое и глубокое восприятие окружающего мира приносит мне гораздо больше информации, нежели эти материи, – а уж о человеческих существах я и не говорю.

Я снова окинула его взглядом: головастый и покрасневшийся, сейчас почти довольный. Морской воздух развязал ему язык. Мистер Икс говорил словно сам с собой:

– О самом незначительном человеке можно узнать так много, так много... Вот она – глубина для ловцов жемчуга... Никакая наука не сравнится с этим времяпрепровождением, и когда я это осознал, то отложил все прочее и посвятил себя этому занятию без остатка, так что в три года я открыл моим родителям все секреты нашей прислуги, от старшего лакея до последнего конюха, и родители выслушали меня с восхищением. Однако, когда в четыре года я открыл моим родителям все секреты моих родителей, их это уже не так восхитило. Я их не осуждаю.

– А вот я осуждаю. – Я с трудом сдерживала гнев. – Отправить ребенка в лечебный пансион... Простите, но мне это кажется варварством.

– Да, они подцепили меня пинцетом, точно ядовитое насекомое прекрасной расцветки, и заперли в хрустальном гробу, проставив на месте моего имени «Икс» – из-за неспособности меня классифицировать. Я сложный человек, это могут засвидетельствовать сто двадцать две медсестры, которые занимались мною до вас, и тридцать четыре пансиона, в

которых я проживал. Скучая как устрица... так было вплоть до Оксфорда, – добавил он.

Я промолчала, хотя все это представлялось мне совершенно чуждым моему пониманию «семьи».

Мы двинулись дальше, я мягко тянула мистера Икс за собой.

– И вы больше не видели своих родителей?

Этот вопрос его как будто развеселил. Он остановился у кромки моря, которое накатывало, словно бросая нам вызов на этом гладком, влажном от пены пространстве.

– Нет, я их больше не видел, никогда не видел, но ведь и моя семья тоже особенная, я не единственный, – быть может, я самый особенный, но таковы мы все, по крайней мере таковыми они были. – Мистер Икс с отвращением отряхнул свои ботинки. – Боже мой, если и есть для меня нечто более отвратительное, чем сухой песок, – так это мокрый песок... Возможно ли, что отдельные человеческие существа приходят сюда ради удовольствия?... И почему он убивает их на пляже?..

Одна деталь из его рассказа меня озадачила.

– Почему вы говорите, что никогда не видели своих родителей?

На сей раз я заметила, что переполнила чашу его терпения. Мистер Икс покачал головой.

– Чтобы вы задали мне именно этот идиотский вопрос, – сухо отозвался он. – Мисс Мак-Кари, вы закончили прояв-

лять милосердие? Я знаю, вы стали медсестрой, чтобы профессионально жалеть людей, и ищете, кого бы пожалеть, чтобы люди вернули вам немного милосердия. Я живу в ореховой скорлупе и почитаю себя царем вселенной, но вы живете в мире и почитаете себя червячком в орехе, а меня это утомляет. Эта ваша потребность чувствовать себя безобразнейшей из сотворенных женщин, эта одержимость поисками мужчины, который разрешит вам быть счастливой, что приводит вас к зависимости от грубого пьяного матроса, беспрестанно вас унижающего...

– Мистер Икс...

– ...которого вы терпите, потому что верите, что боль, насилие и одиночество были придуманы специально для вас... Но и это еще не все: есть еще и безнадежная мечта его исправить, потому что вы принадлежите к тому типу женщин, что ставят свое счастье в зависимость от мужчин и ждут, когда им скажут «иди», потому что сами они не способны сказать «иду», и вот наконец они печальны, покинуты и определенно нуждаются в сочувствии, которого на самом деле и ищут. Так вот что я скажу: вы так ревностно отдаетесь поискам сочувствия к себе, что уже его добились, сами того не подозревая, и в этом-то я вам и сочувствую.

А потом он добавил:

– Он оставляет нож поблизости от жертв... Поблизости... Почему?

Мистер Икс продолжал размышлять вслух. Я его больше не слушала. Я смотрела на море.

И море как будто прилило к моим глазам. Влага и соль.

Посмотри, дочка, какая ты становишься некрасивая, когда плачешь, – говорила мне мать. И это правда: все лицо у меня морщится, а большой нос раздувается еще больше и краснеет.

Все, что он мне сказал, – правда. Я это чувствовала. ПРАВДА. Но никто никогда не прижигал меня этим раскаленным железом, как сделал сейчас мистер Икс. Жгло оно нестерпимо, но как будто и заживляло раны. Боль даже придала мне сил, чтобы разозлиться на моего мучителя. Это было необычно. Точно зеркало, которое было покрыто занавесью, а теперь ее скинули одним рывком.

Таким же резким рывком мистер Икс убрал руку с моего локтя:

– Давайте уже вернемся? Я выполнил свое...

Ничего не ответив, я низко склонилась перед этим мужчиной. Сняла с него ботинок, потом второй, а потом с небольшим усилием – и носки. Мой пансионер потерял равновесие и, чтобы не упасть, ухватился за мой чепец и сорвал его. Должно быть, мы выглядели комично. Все это время он нелепо размахивал руками:

– Да что вы делаете? Отпустите мои!.. Мисс Мак-Кари!..

Я не остановилась, пока его маленькие ножки не прикоснулись робкими пальцами к песку. Ступни были обыкновенные, только очень маленькие. Не ножки ребенка или карлика: они как будто были изготовлены по шаблону взрослых ног.

– Мы возвращаемся, – объявила я, подбирая свой чепец и его ботинки.

– Почему вы это делаете? – простонал он. – Это ваша месть?

– Мой отец говорил, что рядом с морем нужно быть босым, в знак уважения.

– Ваш отец был мудрый человек. – Мистер Икс сгибал и разгибал пальцы ног. – Жаль, что он совсем не ладил с вашим братом. Разумеется, ваш отец был не такой поэтичной натурой.

Я и на этот раз не стала спрашивать, как он узнал. Мой отец так и не примирился с мечтой Эндрю о театре, даже потом, когда брат переменял свои планы. Я молча пожала плечами и пошла обратно к Кларендону, не беспокоясь, следует за мной мистер Икс или нет. На мгновение я остановилась, чтобы надеть чепец. Для этого мне пришлось поставить ботинки на песок. Чувствовала я себя странно. Не счастливой, но при этом и не печальной, и не оскорбленной. До сих пор такие ощущения приходили ко мне только вместе с пощечинами – от отца, от Роберта. Да, они причиняют боль, зато за-

ставляют взглянуть на многие вещи иначе. Сейчас ощущение было похожее, но гораздо более глубокое.

Слова мистера Икс били не по лицу, но по чему-то внутри меня. И из такой боли рождалось эхо.

Позади я слышала голосок, зовущий меня. Обернувшись, я увидела, что мой пациент совершенно растерян, по-утиному переминается на босых ногах, но при этом на удивление весел.

– Мисс Мак-Кари... то, что вы сделали, достойно всяческого... осуждения... и ваша жестокость, скажу вам откровенно, ваша жестокость не знает пределов, и при этом... вы просчитались, поскольку, признаюсь вам, это странное ощущение песка под моими ногами... как ни тяжело мне это допустить... оно приятно, и я обнаруживаю в своих пальцах новые свойства, раньше я о них не подозревал... так что, в общем, вы сделали меня счастливым...

– Очень рада, – сухо ответила я, подхватила его ботинки и пошла к проспекту, прочь от полосы песка.

– Ах, я вижу, вы рассердились. – (Я едва слышала его голос, уносимый ветром в другую сторону.) – Я постоянно забываю, что правда остро заточена... Однако я постараюсь возместить вам ущерб: скажите, чего вы хотите, задайте мне вопрос о моей жизни, если она кажется вам интересной...

Я снова остановилась и подождала моего спутника.

– Что произошло в Оксфорде?

Лицо его осталось почти невозмутимым, как будто он

ожидал такого вопроса.

– Так, значит, наш друг Мертон нажаловался доктору, верно?

– При чем тут Мертон?

– Это единственная возможная причина, по которой Понсонби мог бы рассказать вам то небольшое, что сам знает об Оксфорде.

– Вы сами только что упомянули Оксфорд, – напомнила я. – Отвечайте. Вы обещали.

– В Оксфорде я помог одному приятелю... Он попал в очень неприятную ситуацию, а полиция, как это часто и бывает, не сумела оказать ему достаточную помощь. Подробности я расскажу вам как-нибудь в другой раз.

– Это как-то связано с убийствами нищих?

– Никто этого не утверждал.

– Но это правда?

– Я обещал ответить только на один вопрос.

Я тяжело вздохнула в ответ на дешевую уловку. Интерес мой пропал. Мы подошли к границе пляжа. На проспекте все так же зазывали на готическое представление. Теперь я смогла прочитать и название на афише, которую держали двое актеров в повозке: «Дом спрятанных зеркал». В театре «Терренс». Зазывалы прыгали, плясали и трубили в дудки. Я снова оглянулась. Мистер Икс догонял меня нетвердым шагом. Он действительно открыл для себя новый источник наслаждения.

– Но, мисс Мак-Кари, я вам предлагал совсем не это! – выкрикнул он, поравнявшись со мной. – Мое желание сделать вас счастливой искренне, уверяю вас, поэтому... давайте дадим волю фантазии, представьте меня магом или джинном из лампы... и подумайте... если бы вы могли осуществить одно ваше желание, что бы вы загадали? Клянусь, я постараюсь, чтобы это желание сбылось, в меру моих возможностей, каковые отнюдь не малы...

От всей этой чепухи, столь привычной в устах душевнобольного, я растрогалась. Я знала, что он так говорит, чтобы извиниться за прошлые обидные слова, но продолжала молчать, глядя прямо на него. Одна рука придерживает тирольскую шляпу, в другой руке трость, рот приоткрыт, как будто даже наша коротенькая прогулка стоила ему громадных усилий. Не думаю, что когда-нибудь позабуду, как он выглядел в ту минуту. Станный человек, но не более странный, чем любой другой. С одним-единственным отличием.

– И вы его исполните? – переспросила я. – Мое желание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.